

Михаил Болле

**Черный риелтор, или
Квадратные метры жулья**

«Центрполиграф»

2009

Болле М. Г.

Черный риелтор, или Квадратные метры жулья / М. Г. Болле —
«Центрполиграф», 2009

Отчаянный черный маклер и его верный напарник обаятельны, удачливы и чертовски изобретательны. Они настоящие профессионалы. Они знают тысячу и один способ сравнительно легкого отъема ценностей у простодушного населения и с удовольствием помогут быстро расстаться с недвижимостью и накоплениями. Ловкость криминальной парочки заставляет милицию думать, что в городе работает большая и хорошо организованная банда квартирных кидал. Их очередная жертва уже выбрана, похоже, ей не спастись и не на что рассчитывать, разве только на волю вездесущего случая...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	40
Глава 16	43
Глава 17	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Болле

Черный риелтор, или Квадратные метры жулья

Часть первая ПРЕСТУПЛЕНИЕ (Осень – зима 1999 года)

– Ну что же, – задумчиво отозвался Воланд, – они – люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их.

Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

Глава 1

«Открывайте дверь! Мы знаем, что вы дома»

Митя стоял возле открытой балконной двери и курил Dunhill. В его движениях сквозила нервозность, хотя все складывалось удачно и ничто не предвещало непредвиденного исхода событий. В этой квартире ни одна деталь не изменилась со времен брежневского застоя: и полированный шкаф, и продавленный диван, прикрытый клетчатым пледом, и письменный стол с поцарапанными ящиками – все несло на себе отпечаток ушедшей эпохи. Из портативной магнитолы, стоящей в углу на бельевой тумбочке, раздавались негромкие звуки популярной песни. Митя пытался отогнать тревожные мысли и просто наслаждаться пробивающимися сквозь осеннюю листву лучами солнца. Окна квартиры выходили во двор, образованный несколькими московскими панельными девятиэтажками. Совершенно справедливо могло показаться, что это двор любого другого российского города, поскольку архитектура не отличалась оригинальностью и была служанкой массовой застройки. Митя очень ценил те немногочисленные моменты в своей жизни, когда мог хоть ненадолго остаться наедине с самим собой. Он с некоторой злобой, но и одновременно с тоской вспоминал родной Питер, в котором не было работы, что и заставило его двинуться в Москву в поисках сытной жизни.

Вдруг спокойствие, царящее в атмосфере квартиры, нарушил резко дребезжащий дверной звонок. Митя был подсознательно готов к тому, что может произойти что-то нехорошее, хотя звонившая накануне тетка с противным гнусавым голосом не задавала много вопросов и сказала, что «вариант неплохой» и она придет посмотреть квартиру в десять утра.

Подойдя к двери, Митя заглянул в глазок. Его предчувствие чего-то дурного оправдалось: на пороге вместо ожидавшейся тетки – потенциального покупателя квартиры – стояла уже знакомая ему по нескольким встречам женщина. Антонина Михайловна руководила небольшим ателье и в течение последних шести лет откладывала деньги, чтобы наконец-то отселить от себя своего подросткового сына. Она приходила посмотреть эту двухкомнатную квартиру в московском районе Ясенево на позапрошлой неделе два раза и на второй раз даже принесла вожделенный Митей аванс, тем самым подтвердив свое желание приобрести квартиру. Она, как это ни странно для более или менее здравомыслящего человека, не удосужилась прове-

ритель, кто такой Митя и является ли он действительным владельцем квартиры. Когда Антонина Михайловна поняла, что ее просто-напросто кинули, она решила на месте разобраться, в чем дело. Ее сопровождали настойчиво звонивший в дверь мужчина в сером костюме (как позже выяснилось, оперативник) и два милиционера в бронежилетах с автоматами в руках.

– Я же вам говорила, что они просто так не откроют, – язвительно произнесла Антонина Михайловна.

– Открывайте дверь! Милиция! Мы знаем, что вы дома. Открывайте, иначе будем ломать! – пригрозил мужчина в штатском.

Кусая кулак, Митя стал корить себя за то, что вовремя не остановился: ему не надо было поддаваться соблазну и после получения денег от Антонины Михайловны и приходивших до нее еще двух покупателей исчезнуть из подставной квартиры. Он стал судорожно соображать, как выкрутиться из неприятной ситуации. Нежданные посетители, естественно, не уйдут просто так. К трели звонка прибавились настойчивые пинки в дверь ногами. Митю внезапно осенило. Он крадучись направился обратно в комнату, стараясь не задеть ни единого предмета, извлек из своего стоящего на подоконнике портфеля аудиокассету без коробки и плавно вставил ее в старенькую магнитоу. Далее он поднес ее максимально близко к входной двери, сотрясавшейся от физического воздействия двух крепких мужиков, и воткнул вилку в розетку в прихожей. Из динамиков магнитолы после недолгой паузы послышался записанный на пленку детский голос:

«Кто там? Мамы нет дома. Она на работе. Я здесь одна закрыта».

– Девочка, мы из милиции. Ты нас не бойся. Скажи, ты что, правда там одна?

Все четверо – и Антонина Михайловна, и милиционеры, и мужчина в костюме – удивились, услышав голос девочки лет пяти. Милиционер, убрав приготовленный автомат от груди, даже поинтересовался, не ошиблась ли женщина квартирой. Митя по другую сторону двери опять нажал на кнопку, и звонкий детский голос произнес:

«Я здесь играю, а мама скоро придет. Она меня закрыла».

– Я не понимаю, откуда там взялся ребенок. Моя приятельница при мне звонила ему и абсолютно точно договаривалась на десять. И квартира точно эта, – оправдывалась обманутая женщина. – Девочка, а как тебя зовут?

«Мне мама не разрешает говорить с чужими людьми! Она сама скоро придет с работы, а я здесь играю».

– А может, все-таки выбьете дверь? А? А то смотрите – меня они обдурили и вас обдурят, – требовала Антонина Михайловна, обращаясь к милиционерам.

– Не волнуйтесь. Если он там, то ему деться некуда. Вертолет или летающая тарелка к балкону не подлетят, а вот если мы сейчас дверь ломанем и окажется, что там одна маленькая девочка... Вот тогда у меня будут проблемы побольше, чем ваши четыре тысячи долларов, которые, кстати сказать, вы отдали абсолютно незнакомому человеку в обмен на вшивую бумажку.

Квартет нежданных посетителей за дверью ругался между собой и решал, как поступать дальше. Митя воспользовался образовавшейся паузой и тихо удалился на балкон, выхватив по пути из портфеля мобильный телефон. Вынужденный конспиратор присел на корточки и стал судорожно нажимать цифры на клавиатуре. Митя напрягся и затаил дыхание, так как к телефону долго не подходили. Он звонил Аркадию.

Глава 2

«А на свадьбу мы кого позовем?»

– Володенька, миленок, как же мне с тобой повезло. Ты такой хороший!

– Мариночка, мне, ты знаешь, тоже очень повезло с тобой. Я рад, что с самого начала нам никто не мешал строить наши отношения. Ты у меня просто чудо!

– Мне даже не верится, что скоро мы с тобой поженимся. Я такая счастливая.

– Какая ты у меня кисочка. – В рюкзаке пронзительно громко зазвонил мобильный телефон, и мужчина попытался встать, освобождаясь от сидящей у него на коленях Марины. – Извини, мне нужно ответить, а ты, пожалуйста, начинай собираться.

Возлюбленный Марины, атлет тридцати лет с хвостиком, был красив и к тому же обладал необычайным обаянием. Его очарование не казалось притворным и наигранным, и он нравился абсолютно всем. Естественно, когда полтора месяца назад возвращавшуюся из соседнего магазина Марину остановил приятный голос, исходивший из открытой дверцы ухоженного автомобиля, она, обернувшись и оценив взглядом мужчину, остановилась.

– Девушка, вы не только красавица, но и, наверное, хорошая хозяйка? И поди, недурно готовим, да? – поинтересовался он, указывая взглядом на выпиравшие из полиэтиленовых пакетов овощи.

– Да, ничего готовлю и вроде пока никого не отравила. Сейчас лето, поэтому хочется какой-нибудь легкой пищи, вот и накупила овощей, – будто оправдываясь, произнесла Марина.

– И это правильно. Но будет ошибкой, если я отпущу такую милую девушку, даже не узнав ее имени. Меня, кстати, Владимиром зовут.

– Ну ладно, я Марина.

– Очаровательная Марина, а вы живете в этом доме? А то вот с водителем ждем, – он показал движением головы на сидящего за рулем мужчину, – моего делового партнера уже около получаса, думаю, может, домом ошибся. Это ведь шестой дом?

– Ага, я здесь живу, правда, еще недолго, а это, ну да, шестой дом.

– Прекрасно. Кстати, вы торопитесь?

– Не знаю.

– Как это? – засмеялся Владимир. – Вы даже не знаете, торопитесь или нет?

– Почему, знаю... Не тороплюсь. – Марина, судя по проявленному к ней неподдельному интересу, поняла, что понравилась мужчине, поэтому стала вести себя более уверенно. – А вы что, каким-то крутым бизнесом занимаетесь?

– Да, но меня интересует не только работа. – Владимир щегольнул фразой, будто выуженной из женских журналов. – Мы с вами, если вы позволите, могли бы как-нибудь в ближайшие дни совершить путешествие, например, в усадьбу Кусково, она, по-моему, недалеко отсюда. Так хочется ухватить последние хорошие деньки уходящего лета, и, кстати, я могу вам рассказать много любопытного.

– Не знаю...

– Опять не знаете, – засмеялся Владимир. – Ну а телефон-то свой помните? Ничего, если я вам позвоню?

Марина тупо кивнула и, подойдя поближе, продиктовала номер, завороченно следя за тем, как мужчина «забил» его в память своего мобильного. Это была немного угловатая девушка двадцати лет с грубыми чертами лица и полным отсутствием интеллекта. Последние два года она работала продавцом в обувном магазине, все время приходилось быть на людях, и поэтому Марина старалась выглядеть хорошо. Нельзя сказать, что это ей очень удавалось, хотя сама она была иного мнения. Девушка была воспитанницей одного из московских детских домов, по достижении совершеннолетия переехала в доставшуюся ей от умершей бабушки

однокомнатную квартиру в Кузьминках. Она жила одна, имела пару-тройку подруг со времен детдомовского сиротства, как и она желающих устроить свою судьбу. Немудрено, что Марина с такой легкостью впустила новоявленного поклонника в свою жизнь.

Владимир действительно вскоре позвонил ей и пригласил на пешую прогулку по парку. Для девушки это было не просто первое свидание (она именно так расценила приглашение), это был фонтан впечатлений, связанный не в последнюю очередь с антуражем, которым ухажер сопровождал прогулку. От Мариного дома до ворот парка они ехали на холеном автомобиле, да так плавно, будто не существовало разбитых московских дорог. На заднем сиденье машины сироту поджидал роскошный букет цветов. В кассы парка стояла довольно длинная очередь, но новый приятель, взяв за руку Марину и шепнув что-то охраннику, проверяющему билеты, прошел, не тратя времени на ожидание. «Он может все!» – думала Марина. В кафе по его настоянию она заказала самые дорогие блюда, и, когда он расплачивался, она без стеснения поглядывала на элегантный кожаный кошелек и была шокирована количеством находящихся в нем купюр. Наверное, это зрелище было самым впечатляющим из всего увиденного девушкой в тот теплый осенний день в «Увеселительном доме села Кускова», как, собственно, эта усадьба XVIII века и называлась изначально. Обворожительный мужчина-сердцеед получил беспрепятственный доступ к сердцу Марины во время первой же прогулки по аллеям одного из красивейших парков Москвы. Короче говоря, Владимир проявлял такую внимательность и обходительность, что Марине казалось: наконец-то ей выпал счастливый билет и теперь весь мир лежит у ее ног.

– Мариночка, ты знаешь, – начал Владимир, нажимая кнопку отбоя на телефоне после непродолжительного разговора, – меня срочно вызывают в посольство по поводу каких-то нюансов, связанных с твоей визой.

– А чего там случилось-то? – с некоторым беспокойством спросила Марина.

– Думаю, я все быстро улажу: одна нога там – другая здесь. А ты пока собирайся, приготовь все документы.

– Ой, ну я даже боюсь кому-либо рассказывать, что мы с тобой скоро полетим в Америку. А на свадьбу мы кого позовем? Мы ведь там никого не знаем.

– Кисонька, ну это ты пока никого не знаешь... Но я так хочу тебя со всеми познакомиться, похвастаться тобой! У меня в Штатах полно хороших друзей, ну и партнеров по бизнесу, и тебе как моей жене нужно будет с ними общаться.

– А я что, красивая? Да? – вульгарно избо-ченясь, спросила Марина.

– Ты самая лучшая. Но вообще, я не хочу, чтобы в Америке ты заикливалась только на мне и моих друзьях. Пусть у тебя будет какая-то своя жизнь, свои интересы, может быть, свой маленький бизнес. Ведь мы с тобой говорили, что деньги, которые ты сегодня получишь за свою квартиру, мы положим на твой личный банковский счет в американском банке. И только ты будешь распоряжаться этими деньгами: я не хочу лезть в твои расходы.

– Ой, Вовка, какая же я счастливая! Ну да, я теперь не нищенка какая-нибудь...

– Все, мне надо собираться. – Мужчина прервал оптимистичную фразу своей невесты. – Не знаю, что там могло случиться с твоей визой, но думаю, я быстренько все урегулирую. А ты сиди дома – меня жди, даже мусор не выноси.

– Ты чего – боишься, меня украдут, что ли?

– Да, боюсь. Все, у меня нет времени на разговоры, я поехал.

Глава 3

«Будем ломать дверь!»

Громкие дебаты за дверью квартиры-западни, в которой оказался заточен Митя, конечно, не могли оставить равнодушной проживающую на этой же лестничной клетке немолодую женщину. Она восприняла создавшуюся за пределами квартиры ситуацию как повод пообщаться с людьми, может, что-нибудь прояснить, а потом с чувством собственной значимости рассказать об утреннем происшествии приятельницам по двору.

– Вы чего шумите-то? – Женщина неприветливо обратилась к Антонине Михайловне, но увидела милиционеров и отступила назад, за порог своей квартиры.

– Да тут такая ситуация... ничего не понимаю, в квартире почему-то один ребенок, а должен быть мужчина. – Антонина Михайловна оправдывалась за свое поведение.

– Да квартира-то эта сдается уж не первый год, – поняв, что служит источником важной информации, начала объяснять соседка. – Клавдия, ну, хозяйка, говорила, что сдала ее какому-то художнику, что ли. А кто теперь там живет, я не знаю, но чего-то людей к ним за последнее время много переходило.

– А у Клавдии этой или у жильцов была маленькая девочка? – поинтересовался мужчина в штатском.

– Ой, не знаю, но у Клавы кроме мужа-алкоголика никого не было.

– А как бы нам связаться с этой вашей прекрасной соседкой? Где ее найти? – вмешалась в диалог несостоявшаяся покупательница.

– Да как же с ней свяжешься, если она на даче все время живет. Никак, милая...

Антонина Михайловна сделала две затяжки и стала просто автоматически звонить в дверь, за которой «играла» несуществующая девочка.

– Как же быть? – причитала она. – Давайте будем ломать дверь!

– Ну, в этой ситуации я не могу просто так отдать распоряжение на снос двери. У меня могут возникнуть служебные неприятности. По закону я не имею право на несанкционированное вторжение. – Мужчина в штатском старался охладить пыл обескураженной женщины.

– Послушайте, здесь уже дело принципа. Я не только хочу вернуть свои деньги, но и восстановить справедливость. Поэтому я заплачу вам пятьсот долларов, если вы сломаете сейчас эту дверь и возьмете этих гадов с поличным.

– Ну ладно. Считайте, что мы договорились. Ждем еще полчаса и начинаем ломать, – резюмировал мужчина.

Митя, находясь в западне, вел себя действительно как загнанный в угол волчонок. В ожидании Аркадия он ходил взад-вперед по комнате, беспрерывно поглядывая на часы. Затем снова достал сотовый телефон.

– Аркаш, ты где? Я им еще немного мозги покручу, конечно, но через полчаса они начнут ломать дверь... Ага, понял.

С загоревшимися глазами Митя, убрав телефон в карман, направился к тумбочке под телевизором. Ему не пришлось рыться в выдвижном ящике: необходимая для спасения катушка ниток лежала на самом видном месте. Митя взял ее, прижал к груди, что-то прошептал и крадучись вышел на балкон. Тем временем из коридора постоянно доносился голос мужчины в штатском:

– Девочка! Девочка, ты меня слышишь? Девочка...

Но вынужденный конспиратор уже не обращал внимания на напористость незнакомца оперативника. Митя внимательно разглядывал внутренний двор дома, куда лихо заехала «восьмерка» его друга. Пренебрегая правилами уличного движения, автомобиль проехал по дугооб-

разной траектории по газону и детской площадке и остановился на расстоянии двухсот метров от здания, на седьмом этаже которого томился в трепетном ожидании Митя. Дверь машины открылась, и из нее будто пружина выскочил наш недавний знакомый Володя! Именно мужчина, обещавший сорок минут назад своей некрасивой невесте уладить все непредвиденные нюансы в посольстве и безропотно откликавшийся на имя Володя, предстал перед небольшой аудиторией из двух мамаш с малолетними детьми во всей своей красе.

Действия «заграничного» жениха были быстры и отлажены. Он ястребиным взглядом окинул весь двор, затем достал из багажника большой моток прочной веревки, свернутый надувной матрас, целлофановый пакет с каким-то небольшим предметом внутри и насос. Матрас с насосом «американец» кинул на переднее сиденье автомобиля и захлопнул дверь, а с остальным альпинистским снаряжением побежал к нужному дому. Наконец он достиг необходимой точки и поднял голову вверх. Взгляду удалыца явился свернутый в трубочку журнал «Огонек», спускавшийся на нитке с седьмого этажа. Когда выцветшее издание семьдесят третьего года достигло рук Митино друга, он оторвал старый журнал и бросил его в сторону, а к шелковой нитке моментально привязал пакет и конец веревки. Взмах рукой, и композиция, напоминавшая желтобрюхую змею с пакетом на голове, судорожно дергаясь и извиваясь на осеннем ветру, поползла наверх. Когда Митя получил долгожданную «композицию», он тут же закрепил веревку за поручень и подал ответный сигнал о готовности. И тогда его спаситель, держа в левой руке моток веревки, а правой рукой умело разматывая его, кинулся в сторону своего автомобиля. И вот Аркадий, который, собственно, и был награжден этим именем своими интеллигентными родителями после рождения, привязал свой конец веревки к бамперу «восьмерки» и принялся накачивать матрас. Затем завел машину и проехал несколько метров вперед, чтобы веревка натянулась должным образом. Когда все было готово к спуску, Аркадий взмахнул три раза руками над головой, и Митя с прикрепленной к поясу магнитолой, в которой что-то заклинило, потому что несмолкаемо повторялось одно и то же: «Я здесь играю, а мама скоро придет...», и перекинутой через плечо ляжкой спортивной сумки оторвался от перил и стремительно покатился вниз, используя нехитрое альпинистское приспособление. С высоты четвертого этажа за действиями закадычных друзей наблюдал древний дедушка с лицом, похожим на сухофрукт, поглаживавший по голове старую слепую болонку, явно удивился увиденному и отправился на кухню, окно которой располагалось на противоположной стороне дома. Здесь, высунувшись насколько возможно на улицу, он крикнул курившему возле оперативной машины краснощекому милиционеру-водителю:

– Вот вы там простаиваете пока, а во дворе какие-то бандюги по веревке с верхнего балкона съезжают! Наверное, квартиру грабят! Сам только что из дальней комнаты видел! Они уже, поди, манатки свои собирают и в машину садятся!

И дедушка был прав. Действительно, в этот момент Митя, удачно приземлившись на приготовленный матрас, лихо высвободил руки из петли, отвязал веревку от бампера, запрыгнул в машину друга и приготовился ретироваться.

Услышав сообщение пенсионера, милиционер-водитель моментально поместил свое обрюзгшее тело в четырехколесный агрегат, украшенный всевозможными надписями и эмблемами, сообщил по рации простуженным голосом: «Срочно еду во двор дома. Похоже, наш клиент спускается по веревке с балкона», затем повернул ключ зажигания, отпустил сцепление и что есть мочи газанул. Колеса закрутились с бешеной скоростью, шины жалобно завизжали и задымились, оставляя черные полосы на асфальте. Патрульная машина юркнула за угол дома, и первое, что увидел милиционер-водитель, это спешно выезжающую из другого конца двора «восьмерку». Простуженный мент выкрутил руль немного влево и до упора вдавил в пол педаль газа в надежде догнать вероятных преступников, а с ними и возможную благодарность начальства. Машина пересекла детскую площадку и по иронии судьбы угодила передним правым колесом в открытый люк, после чего двигатель тут же заглох.

Милиционер ударился грудью о руль, матюгнулся, затем отдышался и по рации доложил начальству, что подозреваемые ушли от погони. После этого сообщения в квартире, где по-прежнему работал телевизор, раздался жуткий грохот, вызванный мощнейшим ударом по входной двери снаружи. Дверь содрогнулась, посыпалась штукатурка, из дверных проемов клубами пошла пыль. Недолгая пауза – и следующий, еще более мощный удар обрушился на хлипкую конструкцию из дерева. Дверь подалась и с громким треском открылась вовнутрь. На пороге стояли два милиционера-молота, а непосредственно за ними оперативник с Антониной Михайловной. Оперативник выглянул из-за покатого плеча милиционера и с непонятной тоской в голосе послал в пустое квартирное пространство вопрос:

– Девочка, ты где?

Глава 4

«Прости, Аркаша, прости, друг!»

Машина, управляемая Аркадием, неслась по улицам Москвы на предельной скорости, но в то же время водитель старался не нарушать правил уличного движения. Создавалось впечатление, что друзья не уходят от рокового преследования, а лишь опаздывают на важную встречу или проводы. В салоне автомобиля висело тяжелое натянутое молчание, не предвещавшее ничего хорошего. Аркадий смотрел исключительно на дорогу перед собой, а его друг устался на свои колени и теребил лямку сумки. Наконец машина сбавила скорость, свернула с главной дороги в какие-то закоулки, подворотни и остановилась рядом с нагромождением ржавых железных коробок, в просторечии именуемых «ракушками», служащих живущим неподалеку горожанам местом для хранения своих автомобилей, мотоциклов, инструмента и разного хлама. Аркадий резко открыл дверь, вышел из машины, стремглав обошел сзади свой автомобиль, дернул ручку пассажирской двери и кивком приказал Мите выходить наружу. Митя, не успевший отцепить магнитолу от ремня и снять с плеча сумку, послушно повиновался требованию друга и предстал перед ним со всем вышеперечисленным скарбом, сопровождая свои действия оправдательным заявлением:

– Аркаш, я знаю, что я не прав, но мне были очень нужны деньги.

Аркадий с презрением посмотрел Мите в глаза, неожиданно присел на левую ногу и профессионально провел прямой удар правым кулаком в грудь спасенного им друга. Митя не успел увернуться и, по-рыбьему открыв рот, согнулся от сильного удара в солнечное сплетение. Аркадию этого показалось мало, и экзекуция продолжилась. Он поменял позу и, сделав шаг назад, заехал правой ногой в Митин живот. Не удержавшись на ногах, недавний «альпинист» отлетел назад, спиной упал на кучу гравия, приготовленного кем-то для своего гаража. Наклонив голову вниз, Митя задышал глубоко и прерывисто. Из его глотки вырывался звук, похожий на тот, который исходит от ржавой двуручной пилы, елозящей тупыми зубьями по засохшему бревну. Аркадий сделал несколько шагов к своему поверженному другу, приставил указательный палец к его лбу и сказал с гримасой презрения на разгневанном лице:

– Знаешь, кто ты? Ты Шура Балаганов! Понял?! Значит, так: чтобы сегодня же отчалил домой в Питер! Сегодня же! – и, ткнув пальцем так, что голова Мити откинулась назад, продолжил: – Я из-за тебя не собираюсь на нарах загорать!

– Да подожди ты, Аркаш, – попытался смягчить атмосферу Митя, говоря с трудом и одышкой. – Я все тебе сейчас объясню.

– Да что? Что ты мне объяснишь? – яростно кричал Аркадий. – Что? Мы же еще в воскресенье решили не возвращаться на эту квартиру! А сегодня, – в этот момент он взял своего друга за грудки и сильно потрянул, – сегодня уже вторник! А ты мне собираешься что-то объяснить? И я же просил тебя уничтожить следы! Кстати, ты сделал это?

Митя виновато опустил голову, не сказав ни слова, а Аркадий разжал пальцы и резко потянул на себя сумку. Открыв ее, он немного порылся внутри и достал какие-то документы, находившиеся в прозрачной папке. Листая их, он заговорил еще более грозным голосом:

– Ну ты и сучара, блин! Все себе оставил! Ни одной бумажки не сжег! Полный комплект улик, твою мать! Где ключи от этой двушки?

Митя молча достал из кармана связку ключей от подставной квартиры и отдал ее взбесившемуся Аркадию. Тот посмотрел по сторонам и с силой забросил увесистый набор всевозможных ключей куда-то далеко на крыши гаражей. Затем он присел на корточки, извлек из кармана красивую зажигалку и поджег папку с документами. Возник небольшой костер, его пламя охотно поглощало поддельные документы на чужую квартиру, с помощью которых друзья заработали несколько дней назад весьма круглую сумму денег.

– И все-таки ты должен меня выслушать, – тихо раздалось со стороны Мити.

– Я уже все понял, и мне нечего тебя слушать! Сегодня же уезжаешь домой! Ясно тебе? И чтобы я о твоей роже ничего больше не слышал!

Аркадий проверил мыском ботинка, все ли сторело, и сел в машину. Изнутри захлопнул правую пассажирскую дверь и завел двигатель «восьмерки». Для выхода отрицательной энергии он несколько раз ударил кулаком по рулю, закурил сигарету и надавил на педаль газа. Машина с визгом развернулась на месте, и Митя через боковое стекло увидел последний уничтожающий взгляд своего закадычного друга. Обидчик уехал, а Митя остался сидеть на небольшой куче гравия, продолжая тупо смотреть на тлеющие остатки документов. Еще чувствовалась щемящая боль в груди и животе, но мысли застигнутого врасплох мошенника роились вокруг иной проблемы. Он принял удары от своего друга как заслуженное в подобной ситуации наказание и теперь, зная твердый характер Аркадия, хотел найти правильный путь к примирению.

Сидя на куче гравия и переживая недавние события, он ощутил чувство глубокой вины перед своим другом детства. Вины перед тем, кто помогал ему постоять за себя в школьные годы, кто плечом к плечу прошел с ним службу на Балтийском флоте, кто заставил его не бросать институт на третьем курсе и помог встать на ноги после финансового кризиса в стране. Мите стало искренне жаль самого себя. И какое-то время он сидел, терзаясь самобичеванием, потом встал, отряхнулся и пошел в сторону жилого массива, бубня себе под нос:

– Прости, Аркаш. Прости, друг. Я докажу тебе, что на меня можно положиться. Я костыми лягу, но докажу. А сейчас просто прости, и все...

Глава 5

«Она у меня только под музыку засыпает»

Марина лежала в кровати на животе и разговаривала по телефону, когда в прихожей хлопнула входная дверь и на пороге комнаты появился Аркадий. Он окинул комнату ястребиным взглядом и нервно выговорился:

- Марин, ну я же просил тебя собраться и подготовиться.
- Все-все. Я пулей. А как ты съездил?

Из тумбочки, стоящей у изголовья кровати, Марина достала косметичку, заглянула внутрь и после этого легким движением руки вытащила из той же тумбочки прозрачный пакет с документами. Аркадий, сдержав тяжелый вздох, вымолвил:

– На удивление удачно съездил, все решил, осталось только получить деньги, разобраться с твоим детдомом и можно спокойно улетать.

– Вовочка, убери к себе все бумаги, а я пока что накрашусь.

– Кстати, пока я ездил туда-сюда, успел еще раз позвонить в банк, и мне в голову пришла самая простая и дельная идея относительно перевода денег.

– Какая идея? – подводя веки, поинтересовалась невеста.

– Понимаешь, этот перевод через банк занимает несколько дней, а то и недель. К тому же не так дешево стоит. Поэтому самый простой способ – оформить нотариальную передачу денег прямо в руки директору твоего детдома. То есть мы забираем из ячейки всю сумму, отсчитываем пять штук и едем к нотариусу. Там назначаем встречу твоему Анатолевичу и спокойно встречаемся в официальной обстановке.

Почти собравшаяся девушка остановила свой взгляд на возлюбленном и после недолгой паузы поинтересовалась, покусывая губы:

– А ты уверен, что так будет лучше?

– Конечно же лучше! По крайней мере, ты будешь до нашего вылета уже знать, что он принял все деньги, а он, соответственно, не сможет их пустить на свои нужды, так как получит их в присутствии нотариуса. Поняла?

Марина надела туфли, стоящие около шкафа, и подошла к Аркадию.

– Ну хорошо. Поедем тогда к твоему нотариусу. Хотя Анатолевиич такой человек, который чужой копейки не возьмет. Зря ты так про него думаешь. Мы его всегда за честность и доброту больше всех в детдоме уважали.

– Я ничего не имею против Анатолевиича, а насчет нотариуса ты зря так говоришь. Всем будет спокойнее, если мы все оформим официально. И кстати сказать, мы поедем не к моему нотариусу, а к обычному. Вот тебе визитка их конторы, так что звони давай своему Анатолевиичу и скажи, чтобы он подъезжал туда к четырем часам.

– А почему к четырем?

– Потому что я уже договорился с секретарем нотариуса на четыре часа. Так что у нас есть время съездить в депозитарий и спокойно забрать бабки.

Спустя полчаса они уже расположилась на заднем сиденье допотопной «Волги», и машина с неприятным для слуха дребезжанием тронулась с места. Всю дорогу Аркадий сидел обнявшись с Мариной и постоянно шептал ей на ухо ласковые слова. Когда машина поравнялась со зданием банка, располагавшегося на Люсиновской, Аркадий обратился к водителю:

– Притормозите здесь, пожалуйста.

Шофер остановил свой агрегат, и Марина, открыв дверцу, резво вышла из машины. Аркадий выставил ногу на тротуар и неожиданно громко вскрикнул. Марина кинулась к нему:

– Что случилось-то?

– Кажется, ногу вывихнул, – процедил Аркадий сквозь стиснутые зубы. – Больно, сил нет.

– Давай я посмотрю, может, дернуть нужно. Девушка присела на корточки рядом с машиной, потянулась к ноге жениха. Тот отпрянул:

– Слушай, такая боль, как будто перелом, а не вывих. Я идти точно не смогу. Давай я посижу, а ты быстро сходишь за деньгами, – неожиданно заявил Аркадий, расстегивая рюкзак и доставая документы.

Марина, недоумевая, спросила:

– А как же я без тебя там справлюсь-то?

– Попросишь банковского служащего, и тебе помогут.

– Ну ладно, как скажешь.

Аркадий погрузился в размышления, и так прошло около получаса. Это его встревожило – для изъятия денег из депозитарной ячейки требуется совсем немного времени, а Марины не было уже почти сорок минут. Он повернул голову в сторону здания банка и принялся напряженно разглядывать выходящую публику. Неприятные мысли лезли в голову Воскресенского... Но вот, наконец, в очередной раз дверь медленно открылась, из банка выскочила Марина и трусой припустилась к авто, прижимая к груди свою сумочку.

– Ну как ты тут, жив? А то, может, в травмпункт сгонять?

– Жив-жив. Отпустило уже. А ты как?

– Все в порядке, деньги получила.

– Тогда поедем к нотариусу.

Водитель нажал кнопку, из приемника полились ритмы старого рок-н-ролла, Аркадий заключил Марину в свои объятия. Старый автомобиль мчался в сторону станции метро «Профсоюзная». Аркадий, целуя невесту, напирал своим туловищем на девушку так, что та неестественно изогнулась. Он незаметно достал из своего кармана одноразовый шприц, заправленный сильным наркотическим зельем. Глаза девушки закрылись от блаженства, она ничего не замечала вокруг себя. Тем временем Аркадий переложил шприц в правую руку, левой снял колпачок и, натянув пальцами кожу на шею Марины, сделал резкий укол. Марина встрепенулась и начала мычать, выворачиваться и брыкаться, но сильный Аркадий стискивал ее в своих железных объятиях до тех пор, пока она не утихла. Тело Марины обмякло, руки упали на сиденье, и она провалилась в наркотический сон. Шофер, в зеркальце наблюдая возню любовников, улыбнулся и продолжил весело крутить баранку. Аркадий положил голову Марины к себе на колени и сказал ласково:

– Пока будем ехать, подремли чуть-чуть, а то ведь ты всю ночь не спала.

– Может, музыку приглушить? – поинтересовался водитель.

– Да не надо! Она у меня только под музыку и засыпает.

– Если что, то вы скажите.

– Хорошо. Непременно, – пообещал Аркадий и тут же весьма натурально спохватился:

– Слушай, шеф! Я забыл дома документы! Давай сгоняем туда, откуда ты нас вез!

– Да нет проблем.

– Я тебе еще триста рублей накину.

– Вот спасибо, – обрадовался частник.

Потертая временем «Волга» круто развернулась посреди улицы через сплошную полосу. Водитель проезжавшей мимо иномарки выкрикнул вслед одно из самых классических ругательств всех времен и народов:

– Козел!

Через полчаса ГАЗ-24 остановился около Маринино подьезда. Левая задняя дверца открылась, Аркадий вылез наружу и взял из салона обмякшую невесту на руки:

– Спасибо, отец. Ты нас не жди. Ей точно надо пару часов поспать. Счастливо тебе!

– И вам счастливо, ребяташки!

Аркадий захлопнул ногой дверцу и твердым шагом пошел к подъезду с Мариной на руках. Машина зарычала и увезла вполне довольного частного, заработавшего дневную выручку за пару часов.

В квартире надрывно звонил телефон. Аркадий аккуратно уложил Марину на кровать. Телефон не переставал названивать, Аркадий раздраженно вырвал шнур из аппарата. Звонки прекратились. Он открыл сумочку девушки, извлек оттуда увесистую пачку долларов и засунул ее во внутренний карман своего кожаного пиджака. Потом достал из рюкзака прочный пакет с ручками и начал методично складывать в него все свои вещи, имеющиеся в квартире. На полке стояли три фотографии, сделанные «полароидом», на которых он красовался с Мариной. Их он тоже кинул в пакет. Затем снял с пояса сотовый телефон (но не тот, на который ему звонил Митя), вытащил из него сим-карту и выбросил ее в открытую форточку, а трубку положил в рюкзак. Окинув квартиру внимательным взглядом в последний раз, Аркадий подошел к кровати, поцеловал в лоб свою жертву и сказал шепотом:

– Прости, знаю, что я конченная сука, грязно воспользовался тобою, но такова жизнь.

Аркадий вскинул рюкзак на плечо, прихватил пакет и покинул квартиру. Марина осталась лежать на диване с раскинутыми руками, словно пародировала парящий в небесах самолет. Ее лицо было спокойно и даже блаженно. Рядом со спящей Мариной на полу стоял большой пластиковый чемодан, на его боку словно в насмешку красовалась наклейка с красочной надписью: «Good bay Moscow amp; Hello New-York».

Глава 6

«Не хочу, чтобы конь между нами вставал»

Митя сидел на синем диване в скромно обставленной, но чистой комнате и, массируя лоб, о чем-то напряженно думал. По предметам интерьера было несложно догадаться, что человек, проживающий здесь, серьезно увлечен конным спортом. Кубки на полке, всевозможные фигурки лошадей, иллюстрированные книги по коневодству, хлыст, висевший на стене, грамоты, медалики, розетки и пара плакатов с изображением лошадей красноречиво свидетельствовали о его хобби. Сквозь открытую форточку доносились звуки с перекрестка. Здесь сходились улица Гарибальди и улица Академика Вавилова. Наконец Митя перестал тереть лоб и поднял телефонную трубку. Он набрал номер и приготовился к неприятному диалогу. После нескольких сигналов вызова абонент поднял трубку и мягким баритоном сказал:

– Алло.

– Привет! Это Митя.

– А, привет! Ну наконец-то! – обрадовался собеседник. – А то я уж и не знал, что Елене Павловне говорить.

– Слушай, у меня задержка с переводом денег, – робко произнес Митя.

– Как задержка? Опять задержка? Ты мне еще скажи, что у тебя месячные не начинаются! Может, ты беременен?... Кто говорил, что сегодня в обед точно забираешь коня?

Митя встал с дивана и, держа в одной руке трубку, а в другой аппарат, начал ходить по комнате взад и вперед.

– Понимаешь, шестнадцать штук у меня и так есть, а вот четыре обещали сегодня утром перевести на мой счет, но опять все затормозили.

– Мить, я и так из-за тебя опустил этого тракена на три тысячи долларов! Я тебя вообще не понимаю, – вскричал посредник, – ты же лучше меня знаешь, что тракененская порода лошадей ценится дороже, чем продает Елена Павловна. Тем более его из Германии привезли. А для твоей езды конкурром лучше жеребца и не найти!

– Да я все это знаю. Но мне негде сегодня взять денег. Они обещали только через неделю переслать. Попробуй поговорить с Еленой Павловной, чтобы она притормозила коня еще дней на восемь. А?

– Да ты что, меня за ишака хочешь выставить? Я и так ей уже две недели мозги кручу. Ты что, забыл, как ты в конюшне еще месяц назад сказал, что берешь именно этого тракена? – рычал собеседник.

– Я все очень хорошо помню! – пытался оправдаться Митя. – Но все-таки попробуй договориться с ней таким макаром: сегодня я отдаю шестнадцать штук, а остальное ровно через десять дней плюс пятьсот долларов за моральный ущерб.

– Да-а-а... Не знаю я, что и сказать-то ей теперь. Ладно. Позвони через часок.

– В долгу не останусь, – заверил Митя лошадиного посредника и вежливо с ним попрощался. Он повесил телефонную трубку и тут услышал ковыряние ключей в замочной скважине.

Митя встал и поспешил в коридор. Посмотрев в глазок, он убрал задвижку. Дверь открылась, в коридор зашел Аркадий и отрывисто бросил:

– Ты собрал свое барахло?

– Аркаша, остынь. Мне надо с тобой поговорить.

Аркадий начал раздеваться, не говоря ни слова. Затем он прошел в большую комнату, где у противоположной стены от входа стоял большой письменный стол, державший на себе функционально расположившуюся оргтехнику: компьютер, сканер, принтер, ксерокс и факс были новыми и весьма дорогими. На стене висела полка, на ней расположились фотоаппарат Canon, большой морской бинокль, дорогая цифровая видеокамера и стопка компьютерных дисков. На

соседней полке разместились книги и видеокассеты по восточным единоборствам, в частности по карате и кун-фу. Рядом стояли книги Дейла Карнеги «Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей», Р.А. Уилсона «Психология эволюции», Омара Хайяма «Пятьсот рубаи» и несколько кассет с фильмами культовых европейских режиссеров. Рядом с полкой на гвозде висели две короткие граненые палки с металлическими наконечниками, соединенные между собой цепочкой, – боевые нунчаки. Через спинку крутящегося кресла с колесиками, стоявшего около стола, было переброшено кимоно каратиста.

Аркадий сел именно в это кресло и молча начал извлекать из пакетов всевозможные закуски. Нарезка, салаты в коробочках, бутылка французского коньяка, оливки и крабовое мясо быстро заняли небольшую столешницу полированного журнального столика.

– Принеси два бокала под «Наполеон», – резко приказал Аркадий.

Митя опрометью выполнил поручение. Он плюхнулся в кресло по другую сторону от столика, немного помолчал и начал свой вступительный монолог:

– Аркаш, я начудил, я понимаю. Но я не мог к тебе обращаться, зная твою ситуацию! Ведь я и так у тебя шесть штук занял. А сегодня мне надо было отдать двадцатку этой бабе. Иначе она не соглашается. Уйдет, боюсь, конь. Она ведь до сих пор ответа не дала об отсрочке. А ты сам знаешь, как долго я его ждал.

– Слушай, Мить, дело не в бабе, – сорвался Аркадий, – не в отсрочке и даже не в коне, которого ты, едрена мать, так долго ждал, что сам превратился в осла. Дело в том, что своим хобби ты нас чуть всех не подставил! Догоняешь? Ты понимаешь, что вот сейчас мы могли не здесь сидеть, а на нарах париться и парашу нюхать – и все из-за какого-то там мерина? Но самое страшное, что ты замахнулся не только на мою свободу, а еще и на мою семью. Тебе не жалко было моих дочерей и жену? А? Кто бы тогда их кормил?

– Аркаш, зачем ты так? – обиженно канючил Митя. – Я знаю, что ты профессионал и мне еще учиться и учиться у тебя, но в то же время, надеюсь, ты знаешь, что, если меня менты примут, я – могила.

– Знаю. Я знаю, что ты могила. Поэтому и доверяю только тебе, почитай, всю жизнь. Но сейчас это качество могло тебе не помочь. Ты не забывай, что менты не бараны, по крайней мере не все, и они могут элементарно к твоей матери прийти по прописке, а она по доброте душевной все им и расскажет.

– Да чего она им рассказать-то сможет? – удивился Митя.

– Чего? А хотя бы то, дружище, что есть, мол, у моего сына друг детства Аркадий Воскресенский из соседнего дома, с которым они с первого класса за одной партой в школе сидели, вместе на Балтике служили, вместе в институте учились и сейчас вместе в одной фирме на Украине работают. Нормальный ход?

Митя потупился. Аркадий налил коньяка себе и ему.

– Но самое поганое в этой истории то, что ты от меня скрыл свои задумки. Как я смогу теперь доверять тебе?

– Аркаш, я тебе вот что скажу. Ты не требуй у меня никаких оправданий, а просто поверь на слово, и все. Этого не повторится.

– Поверь на слово... Да... Я-то перед тобой как стекло, а ты, блин... Ты поставил на кон нашу дружбу и проиграл. Понимаешь? И переклинило же тебя с этими лошадьми, будь они неладны...

– Аркаш, этого не повторится, – твердил, пытаясь поймать взгляд друга, Митя. – Вот тебе крест, этого не повторится. Давай выпьем за честность и, как говорил один народный юморист, за дружбу друзей между друг другом.

– За честность? – удивился Аркадий. – Ты что, прикалываешь меня? И еще крестишься тут с коньяком в руке. Еще бы презервативом перекрестился!

– Шутишь, да?

– Ты же всегда воинствующим атеистом был, а сейчас что – в боженьку захотелось поиграть?

– Нет. Я тебя не прикалываю. И в боженьку не играю. А коньяк в руке держу потому, что хочу выпить с тобой, именно с тобой, за честность между нами.

Аркадий посмотрел на него в упор, взял в руки бокал и перевел свой взгляд на французский напиток, затем поболтал в бокале коньяк и произнес:

– М-да... Если в жизни стало туго, посмотри на рожу друга.

Друзья выпили не чокнувшись. Аркадий молча приступил к еде, а Митя, закусив долькой лимона, глубоко вздохнул:

– Аркаш, я прошу тебя, давай забудем это.

– Забудем, забудем... Ладно. Считай, что этого не было.

Наступила пауза. Аркадий доел все, что было у него в тарелке, и расслабился. Он положил ногу на ногу и зажег свечу, стоящую на столе.

– Сколько тебе бабок-то не хватает? – поинтересовался он.

– Это теперь не важно. И вообще, давай не будем поднимать эту тему.

– Да не понтуйся ты! Сколько? – настаивал Аркадий.

– Четыре тысячи, – тихо произнес Митя.

– Этот хрен с хвостом из платины, что ли, отлит?

– Этот конь из Германии привезен, – начал свое объяснение Митя. – Да и потом двадцатка за такого тракена не так уж и много, но я не хочу, чтобы действительно какой-то конь между нами вставал.

– Надо бы хоть взглянуть на твоего тракена. А то отдадим деньги за подделку китайскую, и будешь потом позориться.

У Мити загорелись глаза, и он с надеждой посмотрел на своего друга.

– Как понять «отдадим»?

– А вот так и понимай. Будешь теперь мне десятку должен.

Митя взял трубку радиотелефона, радостно набрал номер и принялся ждать ответа. Наконец на другом конце провода подняли трубку.

– Але! Это я! Елена Павловна еще не звонила тебе? Ну и хорошо! Если позвонит, то скажи, что я готов расплатиться хоть сегодня! Деньги я у друга занял!.. Ладно, все. Договоривайся на любое время!.. Ну, пока! – Митя повесил трубку, в глазах его светился детский восторг. Аркадий открыл дверцу тумбы стола:

– А сейчас давай поговорим о нашем последнем проекте в плане «задатков» за подставные квартиры.

Воскресенский, присев на корточки, засунул руку во внутренний тайник и вытащил увесистый конверт. Достав пачку долларов, он отсчитал четыре тысячи. Остальные деньги Аркадий убрал назад в конверт и спрятал его обратно, соответственно в тот же тайник стола.

– Почему «последнем»? – несколько оторопел Митя.

– Да потому что нас с тобой скоро каждый московский риелтор в глаза знать будет. Именты уже наверняка в курсах – разве что на доску «Их разыскивает милиция» не вывесили наши фотографии. Шестнадцать квартир кинуть – это тебе не в песочнице насрать! – гремел Аркадий, чувствующий себя просто героем после событий того дня. Ведь на самом деле он не собирался выгонять Митю из съемной московской квартиры назад в Питер. Митя был нужен Аркадию не только как подельник, от которого он тщательно скрывал свои лихие похождения с женщинами, а как товарищ, находящийся всегда под боком. Он словно питался энергией от Мити, переполненного преданностью к своему другу детства.

– Ну давай эти авансы только с частников брать будем, а фирмам отказывать, – предложил Митя.

– Все равно можно не угадать. Тем более что на хвост нам уже точно сели. Я думаю, далеко не одна эта баба обратилась к ментам, и теперь у них на сто пудов незакрытых дел по двум мошенникам. И дело это, дорогой ты мой, так или иначе, но надо двигать. И вот представь, что по иронии судьбы припрутся на подставную квартиру маклер или частники, которых мы уже кинули на бабки, и что тогда? Хорошо, если нам удастся отбиться и красиво уйти. А если нет?

– Да ты со своим карате любого вырубешь, – сказал Митя и улыбнулся.

– Чрезмерная самоуверенность в себе и переоценка собственных возможностей не дает положительных результатов. Поэтому не стоит держать меня за Рембо. И если нас, не дай бог, повяжут, – здесь Аркадий сплюнул три раза и постучал по дереву, – то от родного правосудия вряд ли удастся избавиться малой кровью.

– Пусть будет флот на море, а мужики на воле... – философски подметил Митя.

– Это точно. Так что давай эта схема мошенничества будет нашим последним вариантом, а потом займемся другими делами. Пусть они тоже будут связаны с недвижимостью, но кидать мы уже станем по-другому. И тогда вероятность пересечься с прежними потерпевшими будет маловероятна.

После внушительного монолога Аркадий отдал отсчитанные деньги другу и сел в кресло. Митя взял четыре тысячи, держа их перед собой на ладонях как младенца, только что вынутого из купели, после чего с просветлевшим лицом сказал:

– Ты даже не знаешь, что ты для меня сегодня сделал...

– За мордобой можешь не благодарить, – шутливо подмигивая, отвечал Аркадий.

– А за деньги?

– Да черт с ним, – сказал Аркадий, задумчиво глядя в окно. Затем перевел взгляд на столик с горящей свечой и предположил: – Да... Прикинь, если кто-нибудь сейчас в бинокль из противоположного дома заглянет...

– Ну и что? – дернул плечом Митя и тоже посмотрел в сторону окна.

– Да так, ничего. Просто подумают про нас: «Вот гомики отрываются!» Впрочем, все это фигня. В бинокль пусть смотрят – лишь бы не в снайперский прицел!

Глава 7

Способ кидания

В небольшом кабинете следователя около стола сидела подавленная Марина. Она потушила взгляд, по ее щекам катились слезы. Девушка не в состоянии была себя контролировать, и они капали и капали одна за другой. За своим рабочим столом расположился симпатичный, свежевыбритый мужчина пятидесяти лет – следователь по особо важным делам Александр Сергеевич Егоров. На нем был недорогой пиджак и несколько заношенные брюки. Подарочные командирские часы скромно выглядывали из-под застиранного манжета рубашки. Оправа очков напоминала о восьмидесятих годах, а обручальное кольцо уже давно потеряло свой блеск. В очень аккуратной прическе проглядывали залысины и множество седых волос. Следователь что-то писал. Его напарник Василий, недавно отпраздновавший тридцатитрехлетие, разместился в противоположном углу кабинета. Василий обладал определенно бандитской внешностью, ярко подчеркнутой стрижкой в стиле бобрик. Одет Вася был во все черное, на его шее ярко сияла большая золотая цепь, на руке горели солнечным пламенем золотые часы. Марина первая прервала холодную тишину:

– Скажите, как дальше жить? Как теперь людям верить? Я же его по-настоящему любила, а он на какие-то бабки все променял...

– Да не на какие-то, – продолжая писать, заметил следователь, – а на большие бабки. Тридцать пять тысяч¹ баксов не каждому смертному за два месяца заработать удастся. Ну да ладно. Мы с вами остановились на том месте, когда вы после катания на такси очнулись в собственной кровати. Что было дальше?

– Дальше я посмотрела в сумочку, где лежали деньги за квартиру. Там их не было. Стала звать и искать Володю. Поняла, что его тоже нет. Хотела позвонить ему на сотовый, но увидела, что у телефона оторван шнур. Ну а потом... Потом пришла моя подруга Ксюшка.

– Марина, а вы номер помните?

– Да, конечно! Он у меня на его визитке записан.

Девушка достала из сумочки визитку и передала ее следователю. Тот взял в руки небольшой бумажный прямоугольник и зачитал вслух:

– Владимир Арнольдович Редлих. Директор консультативного центра по странам Балтии. Да-а-а... Лихо закрутил ваш жених. Вася, проверь-ка этого директора вместе с его центром и заодно телефонный номер.

Василий неохотно встал, взял визитку и вышел из кабинета.

– Так, к вам пришла ваша подруга. И что дальше?

– И ничего. Она пошла звонить к соседке на Володин телефон, тот отключен. Боже мой... Господи, он даже все фотографии наши забрал.

– Какие-нибудь еще вещи пропали?

– Нет. Он забрал только свое. Даже денег из кошелька не взял, хотя там в рублях долларов тридцать было, – оживилась Марина.

– Да уж. Просто Робин Гуд какой-то!

У Марины опять полились слезы. Следователь дописал протокол и спросил:

– Марина, я хочу попросить вас сосредоточиться и вспомнить: быть может, о нем есть еще какая-нибудь информация, кроме этой визитки и того, что он живет в Нью-Йорке? Подумайте, пожалуйста.

Марина вытерла заплаканное лицо платком и посмотрела на следователя:

¹ Обстоятельства и суммы, приведенные в романе, воспроизводят реальность девяностых годов XX века. (Примеч. ред.)

– Нет. Ничего я больше про него не знаю. Про себя он вообще мало рассказывал. Говорил, что не любит вспоминать свое детство и юность, так как они у него тяжелые были. В основном про наше будущее говорил. Говорил, как мы хорошо в Америке жить будем. А вы его найдете?

– Думаю, найдем. Только вот не знаю когда.

– Что же мне теперь делать? С работы я уволилась, квартиру продала. Что со мной будет? Как же он так мог со мной поступить?

– Я подумаю, как вам лучше действовать, и позвоню по домашнему телефону или подруге вашей. Вы действительно у подруги лучше какое-то время поживите.

Марина кивнула, и следователь продолжил:

– А пока что, если вам больше нечего добавить, внимательно прочитайте и распишитесь под вашими показаниями.

– Где расписаться? – не читая протокола, спросила девушка.

Следователь показал пальцем, где нужно расписаться, и дал свою ручку.

– Мне можно идти?

– Да-да, конечно. Всего хорошего. Вот только одно мне неясно осталось: как вы могли выписаться на какую-то подставную жилплощадь во Владимирской области, не задумываясь, что становитесь просто бомжем?

– Я сама не понимаю, как это произошло, но Володя говорил, что мне можно забыть про все советские прописки, так как я и зарегистрирована буду по его американскому адресу, да и подданство скоро поменяю. Ну, в смысле, после женитьбы сразу. Вы извините, но мне сейчас так плохо. Пойду я к подруге своей. До свидания.

– Всего хорошего.

Марина встала и пошла к двери, открывшейся прежде, чем она успела дотронуться до ее ручки. В кабинет зашел Василий. Василий пропустил потерпевшую к выходу и как бы предупредил на прощание:

– До свидания. Больше не знакомься на улице.

Марина, ничего не говоря, вышла из кабинета, и Вася закрыл дверь.

– Удалось что-нибудь узнать? – спросил Егоров.

– Можно сказать, что ничего. Номер мобильного телефона числится за пятидесятилетней теткой. Я уже позвонил ей домой и пообщался. Судя по голосу – алкашка. Она сказала, что месяца три назад ее попросил какой-то симпатичный иногородний купить сим-карту на ее имя, так как срочно нуждался в телефоне, а свой паспорт потерял, и заплатил за это денег. Ну а его имя с фамилией и фирма, естественно, выдуманные. Вот так.

Александр Сергеевич закурил сигарету и посмотрел в окно. После нескольких затяжек он произнес:

– Да, в моей практике я впервые встречаюсь с такой формой кидания. Раньше ведь как было: найдет себе лимитчица одинокого алкаша, выйдет за него замуж, пропишется, соответственно, на его жилплощадь, подождет год-другой и в один прекрасный день звонит в милицию. Мы приезжаем и видим в дупель пьяного мужичка, который сидит на полу рядом с окровавленным ножом да бормочет себе что-то под нос в угарном бреду, и его «несчастную» супругу тоже видим – с ранением в области плеча или задницы. Ранение не смертельное и даже не глубокое, а мужик-то на пять лет едет в Мордовию шлаковату грузить – и это в лучшем случае. Ну и квартирка, соответственно, лимитчице отходит безвозмездно, а он после освобождения во Владимирскую область направляется, в сельскую, так сказать, местность. А здесь, понимаешь, ни алкаша тебе, ни лимитчицы, ни посягательств на человеческую жизнь... Да...

– Грамотно подготовился, ничего не скажешь. Кучу бабок срубил влегкую и главное – никаких следов не оставил, короче, ни дать ни взять – черный мак-мачо! – подвел черту Василий.

– Чего?

– В смысле черный маклер – и при этом мачо.

– Понятно. Надо подумать, каким образом этот мак-мачо на нее вышел. То, что он заранее про нее все знал, – предположил следователь, – это и ежу понятно, но вот кто ему мог все это в подробностях рассказать, пока не ясно.

– Может, директор детдома? Или работники ДЭЗа?

– Может быть...

– А может, и дружки детдомовские подготовили такую подлянку из зависти, что она бабкину квартиру унаследовала, а им только комнаты дали, а? – высказался Василий и сел на свое прежнее место.

– Тоже может быть... Только вот кто в этом сознается? Слушай, Василий, надо бы по округам пробить оперативную информацию лет за пять. Может, он уже в каких-нибудь районах всплывал с подобными выкрутасами?

– Идея хлопотная, но другой-то нет. А то получается, что мы про него знаем только одно: директор консультативного центра...

– Еще проверь ее домашний телефонный номер. Вдруг он впопыхах куда-нибудь по междугородней связи звонил? – давал указания Егоров.

– Проверю. Но чувствуется, что мужик опытный, хитрованством своим вряд ли на мелочах проколется.

– Кто знает? И на старуху бывает мокруха.

Глава 8

Неисповедимы и игристы пути кидалы-афериста

Прежде чем встретиться с другом, Аркадий заехал в церковь Троицы Живоначальной, располагавшуюся на Воробьевых горах. Там он всегда замаливал свои грехи и ставил свечку во здравие каждой новой жертвы. Вот и теперь он помолился, пошептал прошения об искуплении грехов, поставил свечку за сироту Марину и тихо удалился.

Уже час спустя Аркадий шел рядом с Митей по конюшне между денниками с лошадьми. С дорогим фотоаппаратом на плече он выглядел как счастливый английский джентльмен, Митя был экипирован в униформу наездника и нес в руках седло и хлыст.

– Сейчас ты его увидишь. Он теперь мой. Даже не верится. Ведь когда мне его первый раз показали, я сразу понял, что этот конь должен быть мой.

– А ты все правильно оформил?

– Да, конечно. Племенное свидетельство на коня и расписка продавца о получении денег хранятся у меня. Так что все грамотно. Единственное, что осталось, так это оплатить денник, но я договорился, они могут несколько дней подождать.

– А сколько стоит этот денник? – поинтересовался Аркадий.

– Ну мне отдают за двести пятьдесят баксов в месяц. Для Москвы это недорого. Но когда наши дела здесь закончатся и я увезу его в Питер, там, конечно, найду подешевле.

На подходе к деннику друзья заметили голову красивого коня, появившуюся над перегородкой. Митя повесил седло на поручень и открыл ворота денника.

– Ну привет, мой хороший! Привет, мой красавец!

Митя зашел внутрь к коню и начал гладить его по голове и шее. Грациозное животное загарцевало от удовольствия и предвкушения лакомств.

– Ты погляди на этого немца... И правда красавец. А как же его зовут?

– Барон. Баро-о-о-он... – самодовольно ответил Митя.

– Весьма скромно, – заметил Аркадий.

Митя достал из кармана баранки и начал кормить Барона, потом передал пару штук Аркадию со словами:

– Угости его.

Аркадий взял баранки и по одной стал скармливать коню, приговаривая:

– Ну что, немецкий Барон? Не хочешь познакомиться с русским кидалой?

Митя взял вальтрап, седло и начал готовить коня к выезду. Аркадий стоял и смотрел на своего друга, седлавшего свою «мечту». Лицо Мити просто сияло от счастья и трепетного наслаждения, словно новенькая медная кастрюля на солнце.

– Сейчас ты увидишь, какой он в работе, – говорил он радостно.

– А этот гордый Барон вытерпит твою плебейскую задницу? Не сбросит?

– Ты что! – даже обиделся Митя.

– Как что? Переживаю за тебя. Ты мне в гипсе совсем не нужен.

– Не переживай. Он уже объезжен. – Митя окинул коня взглядом, похлопал его по крупу и неожиданно спросил: – Слушай, Аркаш, я всегда хотел узнать, как тебе в голову пришла мысль заняться квартирными киданиями? А?

– Мысль... – задумался Аркадий и продолжил немного погодя: – Да очень все просто было. Попалась мне как-то на глаза статейка про известную фармазонщицу Соньку Золотую Ручку. Так вот, она сто лет назад киданула очень солидную и, как теперь принято говорить, крутую английскую фирму на огромные бабки. И было все просто и гениально. Сонька открыла лженотариальную контору в центре Москвы, подделала документы и печати и влегкую впарила доверчивым британцам дом столичного генерал-губернатора, который был впоследствии очень

удивлен, что к нему приперлись «новые хозяева» его особняка. Кстати сказать, этот дом и поныне стоит в Москве и находится в нем как ты думаешь что?

– Не знаю. Что?

– Мэрия! – подняв указательный палец вверх, заявил Аркадий.

– Ну, Аркаш, с тобой не соскучишься. Я надеюсь, ты не собираешься повторить подвиг Соньки и продать кому-нибудь мэрию?

– Кто знает? Пути профессионального афериста неисповедимы. Ладно. Давай выезжай на своем Бароне, а я тебя пощелкаю.

Митя повел коня в сторону манежа, а Аркадий пошел следом за ними, напевая себе под нос одну из любимых битловских песен. Потом Митя верхом ездил по кругу, а Аркадий сидел на трибуне и попивал небольшими глотками дорогое импортное пиво. Когда в бутылке не осталось ни капли приятного напитка, Аркадий сделал несколько снимков и изобразил поднятой рукой римский жест одобрительного приветствия. Митя кивнул в ответ и пустился вскачь, не переставая улыбаться от состояния блаженства, переполнившего его в тот момент. Аркадий тоже улыбнулся и, глядя на манеж со множеством лошадей и наездников, подумал: «И все-таки жизнь прекрасна, и прекрасно жить, сознавая это!»

Глава 9

Пора искать следующую жертву

Во второй половине следующего дня Митя, прилично одетый и с портфелем в руке, подошел к первому подъезду пятиэтажки, у которого на лавке сидели три бабули. Он доброжелательно улыбнулся и достал из портфеля красивую коробку с шоколадными конфетами, сопровождая сие действие приветствием:

– Здравствуйте!

– Здрасте, здрасте... – наперебой загомонили местные «консьержки».

– Не холодно вам на таком ветроуде сидеть?

– Да нет, нет. Не холодно. Нет, – также дружно отвечали бабули.

– Ну вот, чтобы вам повеселее сиделось, угощайтесь!

– Ой, спасибо тебе, сынок, спасибо, – обрадовались старушки, разом потянувшись к коробке.

– А вы, случайно, не знаете, никто у вас здесь квартиру не сдает? – перешел к главному Митя.

– Да нет, сынок, вроде бы никто не сдает. Вроде нет, – затарахтели бабки.

– Жалко, а то вот я для брата своего квартиру ищу под съем. Он у меня художник и тихоня такой, что даже стесняется сам походить да поспрашивать. Вот. А к нему жена-иностранка должна скоро приехать из-за границы, ну и вы сами понимаете, жить вместе с родителями ни в какую не хочет.

Неожиданно одна из бабок обратилась к своей соседке по лавочке:

– Слушай-ка, а Маруся-то разве ж не сдает квартиру-то свою?

– А кто ж ее знает-то? Это надо у ее соседа спрашивать, она-то ж сама в деревне постоянно проживает.

– А как же мне ее соседа найти? – заинтересовался Митя.

– Так это ж проще некуда! Звать его Иван Димитрич, а живет он в последнем подъезде на третьем этаже, первая дверь налево как! – объяснила бабуля.

– Да чего ты человеку голову всю закрутила? Живет этот Иван в шестьдесят девятой квартире! – вступила в разговор самая моложавая старушенция и проворно засунула подаренную конфету в свой беззубый рот.

– Ой, ну спасибо вам большое! Пойду, узнаю у Ивана Дмитриевича про Марусину квартиру. Всего вам хорошего, – заторопился Митя и направился к последнему подъезду.

– До свиданья, до свиданья... – перекрикивая друг друга, попрощались старушки, получившие тему для рассуждений на все ближайшие дни.

А спустя месяц о визите импозантного молодого человека, подыскивавшего квартиру для своего скромного брата, и содеянном им преступлении рассуждал с чувством глубокого порицания уже весь двор и даже некоторые граждане из прилегающих окрестностей...

Не прошло и четырех дней после Митиной разведки, как Аркадий поднимался по ступенькам к квартире Маруси. Узнать его было не так просто. Аркадий решил предстать перед ней в белокуром патлатом парике, в затемненных очках и с пышными усами пшеничного цвета. В одной руке он держал коробку с неизменными шоколадными конфетами, производившими неизгладимое впечатление на пожилых людей, в другой у него была трость с красивым набалдашником в виде глобуса. Аркадий изображал из себя хиппи, сильно хромящего на правую ногу.

А пожилая Маруся, муж которой помер от цирроза печени, одного из самых популярных заболеваний среди пролетариата, сидела тем временем в своей комнате на стуле и поглядывала на настенные часы, показывавшие в тот момент полдень. Она была скромно одета, и по ее

корявым рукам с вьевшейся в трещины землей легко угадывался род занятий. Маруся достала из рукава носовой платок, сняла старые очки с толстыми линзами и вытерла слезящиеся глаза. Когда в дверь постучали, Маруся надела очки и пошла открывать. Не глянув в глазок и не спрашивая, она повернула задвижку, потянула за ручку, и перед ней предстал Аркадий в своем маскарадном наряде:

– З-з-з-дравствуйте! Я Ни-ни-николай.

– Здравствуй, сынок! Заходи, – ответила Маруся.

Аркадий зашел в коридор, сильно хромя на правую ногу. Маруся закрыла за ним дверь и посмотрела своему визитеру в глаза с такой надеждой на лучшее, что у Аркадия даже защемило в груди. И чтобы как-то разбавить непредвиденные впечатления, он заговорил на отвлеченную тему:

– Я з-з-звонил, но у вас звонок не ра-ра-рабо-тает. Пришлось сту-у-у-у-чать.

– Ой, сынок, без мужских рук знаешь какво жить-то? – начала оправдываться Маруся. – Злому врагу не пожелаешь. Вот я и перебиваюсь, как могу, одна-одинешенька. Ни детей, ни мужей – никого нету... А на пенсию-то на нашенскую не разгуляешься особо, того гляди, ноги протянешь, потому и квартиру свою сдаю, а сама в деревне кувыркаюсь, как могу. Ничего не поделаешь, сынок. Так что не обессудь, ежели что не так.

– Да что вы, что вы. Мне все н-н-нравится, – изображая заику, успокаивал Аркадий доверчивую бабулю.

– Да что же мы в коридоре-то стоим? Давай я тебе квартиру-то покажу.

Арендатор кивнул, и они вступили в скромные апартаменты седой пенсионерки. Кухня, совмещенный санузел и, наконец, большая комната, обставленная в аскетическом стиле, были осмотрены в момент. «Художнику» все понравилось, и он предложил милой старушке попить чаю с конфетами. Чайник вскипел быстро, и, когда Маруся уселась за стол напротив квартиранта, он предложил следующее:

– Да-да-давайте я заплачу вам за два ме-ме-месяца сразу, чтобы вам ли-ли-лишний раз сюда не ездить.

– Ох, спасибо тебе, сынок. Спасибо большое, – обрадовалась та.

– Баб Маруся, а по-по-подъезд спокойный? – вдруг спросил Аркадий.

– Как это понять?

– Ну, со-со-соседи не дебоширы? Милиция часто бы-бы-бывает?

– Да не! Тута спокойные все живут. Такого еще не было, чтобы дебоширил кто. Я участкового нашего раза два за все время видела. И то на улице. Он даже в наш подъезд и не заходит. Чего ему тута делать-то? – успокоила Маруся своего посетителя, уже отсчитывавшего сотенные купюры для расплаты с доброй хозяйкой незамысловатого жилья.

– Вот и хо-хо-хорошо.

– Ты, Коленька, главное, цветочки поливай, чтобы они, милые, не завяли тута. А ежели что случись, то я тебе адресок-то свой оставлю, и ты сразу же мене вызывай отседава. В общем, главное, цветочки поливай.

– О-о-обещаю по-по-поливать. Ну а вы за меня не во-во-волнуйтесь. Я уж не по-по-подведу, – пообещал Аркадий.

– И скажи мене на всякий случай, как тебе целиком зовут, – попросила бабуля.

– Ка-ка-канечно, – извлекая из своего внутреннего кармана паспорт, заикался Аркадий, – Николай Владимирович Ки-ки-кирсанов. Вот мой паспорт.

– Да мене твой паспорт не нужен. Энто я так, на всякий случай, штоб... – застеснялась Маруся и, не глядя в документ обаятельного мужчины, записала его «имя» на клочке бумаги.

Сделка состоялась. Оба участника договора остались довольны исходом встречи, правда, каждый по-своему. Несмотря на то что Аркадию было неприятно обманывать старую одинокую женщину, он в душе ликовал: хозяйка – наивнейшая особа. Бабушка же Маруся... А что

Маруся? Будучи в полном неведении относительно происходящего, она считала себя на тот момент счастливой: хоть раз в жизни повезло с порядочным человеком. «Пусть даже это просто квартирант, но зато какой!» – радовалась она, трепетно и скрупулезно пересчитывая полученные от него купюры.

Глава 10

Романтическая встреча на конюшне

Когда Аркадий вернулся домой, он сразу же приступил к делу. Предстояла большая афера, от исхода которой зависело будущее наших героев. Ведь если задуманное преступление останется безнаказанным, считал Аркадий, он спокойно сможет завязать со схемой кидания людей на авансы за «продаваемые» квартиры и заняться чем-то другим. Чем-то менее рискованным и более прибыльным.

Аркадий разделся, включил стильную латиноамериканскую музыку и сел за компьютер, чтобы изготовить поддельные приватизационные документы на Марусину квартиру. В заранее отсканированный бланк свидетельства он ввел адрес Марусиной квартиры, заменив ФИО реальной хозяйки на имя Николая Владимировича Кирсанова. Дальше Аркадий распечатал на цветном принтере поддельный документ и какое-то время любовался свеженьким фальсификатом. Затем поднял телефонную трубку и позвонил в редакцию газеты «Из рук в руки». Пока происходило соединение, Аркадий распечатал пластинку жевательной резинки и поместил ее себе в рот. Наконец ему ответили, и Аркадий заговорил по-деловому:

– Редакция? Примите, пожалуйста, объявление о продаже квартиры.

Оператор, отвечавшая на звонки, подробно записала все параметры продаваемой квартиры и в конце зачитала текст объявления. Аркадий подтвердил правильность текста и оставил в качестве контактного телефона номер, принадлежащий Марусиной квартире, а оператор сказала напоследок, что объявление будет опубликовано через три дня. Следующим утром в Марусину обитель поехал Митя и подключил радиотелефон со встроенной функцией автоответчика вместо старого черного аппарата, стоявшего в большой комнате на столе. Подсоединив все необходимые провода, он торжественно нажал кнопку воспроизведения приветствия, и в тишине полупустой квартиры раздался монотонный женский голос:

«Здравствуйте! Если вы позвонили по объявлению, то оставьте, пожалуйста, свое сообщение и номер контактного телефона после длинного звукового сигнала. Вам обязательно перезвонят. Спасибо».

После этого Митя отключил у автоответчика функцию громкой связи, дабы не беспокоить бдительных соседей звонками потенциальных покупателей, затем отправился в ванную комнату и перекрыл краны с горячей и холодной водой. Тут же любитель верховой езды проверил краны смесителя – вода не поступала. Он выключил свет и ушел из квартиры. Теперь оставалось ждать звонков клиентов, которых должна была заинтересовать намеренно заниженная цена квартиры. Когда Митя вышел из подъезда Марусино дома, зазвонил сотовый телефон. Это был Аркадий.

– Привет. Я сегодня еду домой на пару дней и вернусь как раз к выходу газеты с объявлением. Ты подключил автоответчик?

– Да. Все нормально, – на ходу отвечал Митя.

Отложив трубку, Аркадий встал перед столом на колени, достал из тайника, известного Мите, пакет с деньгами. Он положил его на кресло и заглянул под кровать, чтобы из другого тайника, находившегося в днище кровати, достать пачку денег, полученную за Марусину квартиру. Под мелодичные струнные переборы испанского гитариста, компакт-диск которого часто заводил Аркадий, он начал отсчитывать от пачки, извлеченной из пакета вместе с обручальным кольцом, стодолларовые купюры. Получившуюся стопку из трех тысяч долларов он засунул в конверт с надписью «Для Аркадия Воскресенского», а оставшиеся деньги положил к пачке «Марусиной» валюты. Большую стопку долларов аферист перевязал резинкой и засунул в дешевый портативный телевизор, обычно служащий неотъемлемым атрибутом кабины

любого дальнотойщика. Легким движением правой руки Аркадий прикрутил заднюю панель и поместил «дорогой» телевизор в большую сумку, заполненную всяческими подарками.

Спустя пятнадцать минут Аркадий вышел из подъезда с сумкой наперевес. Выпал первый ноябрьский снег, тонкой пеленой покрывший все вокруг. Воскресенский открыл дверь своей «восьмерки». Около подъезда стояли две девушки и по-детски курили длинные сигареты. Увидев нашего героя, они жеманно приступили к его «обстрелу» глазами. Аркадий, видя это, ухмыльнулся и показал безымянный палец правой руки с тонким обручальным кольцом, весело сверкавшим на вечернем солнце. На этот жест одна из девушек высунула изо рта длинный розовый язычок и состроила недовольную гримасу, а улыбающийся Аркадий сел в автомобиль и укатил.

Вскоре он подрулил к автоматическому шлагбауму подземного гаража, и охранник, видя знакомое лицо, нажал кнопку открытия шлагбаума. «Восьмерка» исчезла в туннеле, ведущем к арендуемому Аркадием боксу, а через десять минут Аркадий появился у того же шлагбаума, но уже за рулем роскошного джипа Lexus. Охранник снова нажал кнопку, и, мягко шелестя шинами, американский автомобиль увез Аркадия в путаницу московских улиц и проспектов. Потребовалось не так много времени, чтобы добраться до Ленинградского шоссе.

Под звуки приятной саксофонной композиции Аркадий ехал в сторону родного Питера и вскоре миновал район аэропорта Шереметьево. Мимо проносились красивые рекламные щиты, освещенные специальными лампами. Одной рукой Аркадий держал руль, а другой методично подносил ко рту бутылку боржоми и делал маленькие глотки. Вдоль дороги кучковались проститутки и сутенеры. Аркадий сбавил скорость у одной из кучек и, не останавливая машину, медленно двигался мимо девиц, разглядывая их. Ночные бабочки приветствовали владельца дорогого автомобиля зазывными извивами тела, а Аркадий отвечал им лишь непридуманной улыбкой. Затем он прибавил газу, потерся лопаткой о спинку кресла и, настроившись на долгую дорогу, поехал дальше.

Поговорив по телефону со своим закадычным другом, Митя отправился в конюшню – он уже успел соскучиться по своему Барону. И когда он добрался до денника, в котором стоял любимый конь, то большое животное встретило его приветственным храпом и постукиванием копытами по дощатому полу. Митя обнял коня за шею и начал гладить его по голове, приговаривая приглушенным голосом:

– Ну что? Соскучился? Да... Да. Дорого же ты мне встал. Чуть единственного друга из-за тебя не потерял... Ты уж не подводи меня, а то я вообще завернусь... Ой-ой-ой-ой-ой...

Так Митя стоял в обнимку со своим скакуном, не видя, что все это время за ним наблюдала молодая девушка. Это была Алена, и это был вечер их знакомства, ставший в дальнейшем чрезвычайно значительным для них обоих. Алена была дорого и со вкусом одета, но, несмотря на оригинальную внешность и природную худобу, назвать ее красивой было бы неправильно. Лицом она напоминала скорее озорного скуластого мальчишку, нежели миловидную двадцатипятилетнюю девушку. Но Митя как-то не придавал этому особого значения во время их первого диалога о породистых лошадях. Он вообще не хотел думать об Алене как о женщине. Ему поначалу нравилось просто болтать и скакать рядом верхом, и только потом все стало иначе.

Глава 11

«Ну давай колись»

Войдя в кабинет, следователь поставил портфель на стол и бодрым голосом приказал:

– Ну давай колись. Что там с нашим Редлихом?

– Значит, так. Проверка показала, – начал Василий, открывая папку, – что две сходного рода картины фигурировали в Центральном округе. Первый случай кидания на однокомнатную квартиру зафиксирован в мае того года, а второй приходится на февраль этого. Во втором случае он обобрал женщину с двумя малолетними детьми не только на бабки за квартиру. Он, сука такая, обещал жениться и вместе уехать за границу, присвоил деньги за двухкомнатную квартиру, а в придачу не погнушался и спер все семейные драгоценности, которые достались пострадавшей Грачевой Елене Павловне еще от прабабушки. По внешнему описанию совпадает с нашим черным мак-мачо на все сто. К тому же в деле имеются отпечатки его пальцев, их уже пробивали, они нигде не числятся. Так что он не судим пока, и, быть может, это вообще не его отпечатки, но теперь все-таки есть небольшая надежда на встречу с этим гадом.

– Не стану скрывать – доволен, – заявил следователь.

– Рад стараться! – пошутил Василий.

– А вот то, что он на драгметалл позарился, – начал рассуждать Егоров, – да еще и редкий, если это действительно наследство, то это вдвойне приятно. Как правило, эксклюзив в какой-нибудь антикварке да всплывает.

Вскоре Василий ретировался, а следователь принялся внимательно вчитываться в каждую строчку уголовного дела. Не отрываясь от текста, он извлек из портфеля новую пачку «Явы», распаковал ее и, достав сигарету, так и замер, забыв прикурить. Среди бумаг, прикрепленных к делу, фигурировала записка. Она была начертана рукой авантюриста, всего несколько строк. Александр Сергеевич пробормотал: «Дорогая, не жди меня сегодня вечером, очень много работы, приду домой не раньше полуночи. Целую, твой зайчик».

Зайчик... едрена вошь! Вдруг на подоконник сел голубь, клювом стал долбить в стекло. Следователь оторвался от чтения, взмахнул рукой, чтобы прогнать нахала, и случайно задел чашку с недопитым кофе, оставленную Василием на столе. Та опрокинулась, и кофе вылился на бумаги. Голубь улетел, и следователь смахнул лужицу кофейной гущи с документов. «Вот черт... Что же это за невезение такое?!»

Когда процедура спасения следственных документов была закончена, Александр Сергеевич поднял телефонную трубку и, искоса поглядывая в записную книжку, набрал телефонный номер. Прошло какое-то время, прежде чем он услышал запыхавшийся женский голос:

– Да...

– Добрый вечер, – поздоровался Егоров.

– Здрасте.

– Я могу услышать Марину? – продолжил с той же интонацией следователь.

– А кто это? – недоверчиво спросила девушка.

– Это Александр Сергеевич. Я веду Марино дело по поводу мошенничества.

– А-а-а. Это, значит, вы тот добрый милиционер, который обещал Маришке помочь?

– Да. Думаю, что так оно и есть, – подтвердил он.

– А Маришки нету здесь. Ее после обеда в дурдом увезли.

– Как в дурдом? Почему? – искренне удивился Егоров.

– Жизнь хотела самоубийством закончить. Она вообще все эти дни не своя была какая-то. Ну, напилась водки, залезла в ванну и вены себе вскрыла, а я как раз на обед с работы пришла. Смотрю – она прямо в одежде лежит в ванне с закрытыми глазами, а вода-то вся багровая... Вызвала «скорую» сразу же, а когда врачи приехали и залепили ей все, то глядят, что

у Маришки истерика-то не заканчивается, что она это не по пьяни уделала, а по срыву моральному, ну и уже сами «дуровозку» и вызвали. А те приехали и забрали Маришку в «пятнашку». Так что, гражданин добрый милиционер, нету ее теперь здесь. Собеседница повесила трубку, не попрощавшись. Следователь застыл, его рука с бибикающей телефонной трубкой словно приросла к уху. Так он сидел не шелохнувшись, пока не зазвонил мобильный телефон, лежащий на столе. Тогда Александр Сергеевич повесил телефонную трубку, взял свой сотовый и нажал кнопку ответа. Из маленького динамика послышался голос жены следователя:

– Але!

– Да-да, Света, я тебя слушаю.

– Ты когда домой поедешь, купи картошки.

– Картошки... картошки... Сколько мешков?

– Каких мешков, Саня! – удивилась жена. – Килограмм пять вполне достаточно.

– Ну да, конечно, – отрешенно сказал Александр Сергеевич и, словно опомнившись от страшного забытья, продолжил: – Да-да, я куплю. Обязательно куплю.

Глава 12

«А папа не придет сегодня?»

Было около четырех часов ночи, когда Аркадий заехал на своем джипе во двор родного дома, находившегося на Большой Подъяческой улице в Питере. Он загнал джип в свою ракушку, запер ее и с пакетами в руках направился к старинному парадному входу, над козырьком которого красовался облупившийся от времени герб бывшего хозяина дома. Аркадий недолго постоял около двери, привычно оглядываясь по сторонам.

Здесь все было родным. В этом дворе мама катала маленького Аркашку в коляске, а больше полувека назад бабушка Аркадия в этом же дворе возила перед собой деревянную коляску с его мамой.

Аркадий поднялся в квартиру. В прихожей горел свет. Из комнаты выскочил ирландский сеттер по кличке Клаус и начал прыгать вокруг хозяина, скуля и визжа от радости. За Клаусом на пороге спальни-гостиной появилась худенькая женщина тридцати лет. Это была Надя, жена Аркадия, женщина, подаренная ему судьбой в студенческие годы. Надю он любил по-своему сильно и по-своему преданно. Но в свои страшные дела ее не посвящал, просто замкнулся в себе. А ведь в первые годы их совместной жизни он рассказывал своей половине все. Он делился с ней своими самыми потаенными переживаниями и в ответ получал такие же искренние исповеди.

– Я словно сама не своя была весь день, – целуя Аркадия, сообщила жена. – Теперь мне ясно почему.

– Понимаешь, я точно не знал, – зашептал Аркадий, теребя собаку, – что мне удастся именно сегодня вырваться домой. Поэтому заранее и не хотел обнадеживать тебя пустыми обещаниями по телефону.

Надя обняла мужа. Прижавшись лицом к его груди, она сказала едва слышно:

– Аркашенька, как хорошо, что ты приехал. Я просто извелась от тоски. А девочки меня уже вообще замучили расспросами: «А папа придет сегодня?» Кстати, как ты себя чувствуешь? Не очень устал с дороги?

На указательном пальце большим Аркадий отчеркнул маленький участок и с легкой улыбкой ответил:

– Чуть-чуть.

Затем он разделся, открыл дверь в детскую комнату и в полосе света из прихожей увидел две кровати, на них спали два маленьких ангелочка, две маленькие девочки, две дочки Аркадия – Машенька и Наташенька. Аркадий подошел к кровати шестилетней Маши, она была младше своей сестры на три года, заботливо поправил сползшее на пол одеяло и поцеловал дочку в лобик. После он бесшумно повернулся к противоположной кровати, сделал два шага и, прежде чем поцеловать свою старшую дочь, нежно погладил ее по длинным светлым волосам. После чего он наклонился к ней и прикоснулся губами к румяной щечке девочки. Аркадий находился в своей обители, и, несмотря ни на какие фатальные обстоятельства, создаваемые им самим все последние годы, ему было приятно осознавать, что о существовании этой «крепости» знали лишь единицы.

Прошло немного времени. Отмякший после постоянного московского напряжения Аркадий сидел за столом на кухне, интерьер которой был современен, аккуратен и в меру помпезен. Он ел салат из прозрачной французской тарелки, запивая красным вином, а прямо перед ним с бокалом того же вина расположилась Надя. Их разделяло пламя горящей свечи, мерцающее на наконечнике утонченного произведения из воска, помещенного Надиной рукой в изысканный подсвечник. Аркадий поглощал мелко нарезанные овощи медленно и аккуратно, иногда вытирая влажные губы красивой салфеткой лилового цвета. В ногах хозяина лежал

преданный Клаус, положив морду на мысок домашней туфли Аркадия. Надя не могла налюбоваться своим мужем.

– Какой же ты необыкновенный... Как я счастлива, когда мы вместе. Лишь бы побыстрее закончились эти командировки, из-за которых я так переживаю. Ведь когда меня нет рядом с тобой, я начинаю излишне волноваться и думать о всяких глупостях.

– О глупостях думать не надо, лучше думай об умностях и побольше занимайся с девочками немецким, – посоветовал Аркадий и глотнул вина, – а то вдруг в следующем году меня с семьей в Германию пошлют, а им там без знания языка тяжело первое время будет.

– Ты не расстраивайся из-за этого. Языком я с ними достаточно занимаюсь, в грязь лицом не ударим. Главное – быть всем вместе, а где это будет происходить – не важно. Машка каждое утро начинает с вопроса: «А папа не приедет сегодня?» Так что было бы неплохо, если бы они перевели тебя для начала в Питер.

Аркадий допил вино, встал из-за стола и подошел к жене, обнял ее со спины и по-кошачьи прошептал прямо в красивое ухо:

– Переведут-переведут, а если нет, я тогда сам переведусь.

Он поднял жену со стула и поцеловал долгим поцелуем. Надя блаженно закрыла глаза, а он понес ее в спальню. Клаус попытался было последовать за долгожданным хозяином, но перед его носом безжалостно захлопнулась дверь, и верный пес лег перед нею, печально прикрыв глаза.

Когда забрезжил рассвет, супруги заснули. Их тела, наполовину прикрытые одеялом, плотно прижались друг к другу: Аркадий распластался на спине, а Надя лежала на боку, пристроив свою милую головку на его татуированном плече. Луч утреннего солнца, словно пользуясь беспомощностью спящей Нади, втайне от Аркадия дотрагивался своим тонким потоком света ее обнаженной груди. Аркадий спал беспокойно. Губы у него кривились, свободная рука подергивалась в судорожных конвульсиях. Тихий стон доносился из глубин сновидений Аркадия. Вдруг он резко встряхнул головой, испуганно открыл глаза, некоторое время смотрел по сторонам и только после этого опустил взъерошенную голову на подушку, его глаза постепенно закрылись, и он глубоко выдохнул тяжелый остаток мрачного сна. Но вскоре в спальню открылась дверь, и в образовавшуюся щель просунулась голова Маши. Ее взгляд остановился на кровати, она изменилась в лице и, широко распахнув дверь, бросилась на Аркадия, сопровождаемая радостно повизгивающим Клаусом:

– Папа!!! Папочка!!! Мой папа приехал!!! Аркадий едва успел открыть глаза, как младшая дочка уже сидела у него на груди.

– О-о-ой! Какая ты сильная стала! Задушишь ведь!

На крики младшей сестры прибежала Наташа и тоже с налета прыгнула на Аркадия.

– Помогите! Умираю от любви и удушья! – кричал он приторно-жалобным голосом.

А девочки хохотали и теребили своего любимого отца так, что даже Клаус, крутившийся около кровати, не выдержал и с громким лаем запрыгнул на ноги своего хозяина. Надя натянула на себя одеяло со словами умиления и наигранного недовольства:

– Никогда поспать по-человечески не дадут.

Глава 13

Для отъема квартиры используйте человека в погонах

– Чего молчишь, сука! Я к тебе обращаюсь: почему вчера отказалась идти к нотариусу? – Приняв угрожающую позу, участковый милиционер призывал к ответу немолодую женщину.

Сидя за поцарапанным круглым столом и положив перед собой сжатые кулаки, она то и дело, словно ища поддержки, поглядывала на развешанные над старым сервантом фотографии покойного мужа. Некоторые фотографии были заботливо помещены в примитивные рамки, другие попросту прикреплены к стене кнопками. В углу убогой комнаты на коричневом косо-бокком диване приютилась ее дочь – десятилетняя Лиза. Девочка прижимала к груди дешевую пластмассовую куклу, глядя на «дядю милиционера» глазами затравленного собаками зверька.

– Я передумала, – ответила женщина.

– Что значит «передумала»? – переспросил участковый.

Тут в разговор вмешалась немолодая маклерша Оксана, стоявшая у балконного окна. Именно эта изысканно одетая и крашеная блондинка привела с собой участкового.

– Я же говорила, что она в отказ поперла.

– Да, я передумала уезжать из Москвы. И вообще продавать эту квартиру я не буду. Я не могу, – твердила женщина.

– Не будет она продавать квартиру! – воскликнул милиционер. – А как же деньги, которые на тебя потратили, чтобы ты все свои долги раздала и за твою конуру за три года квартплату заплатила, а? И за дом в деревне уже заплачено! Кто возвращать будет? Кто, я тебя спрашиваю?

– Я еще в опекуновом совете взятку двести баксов платила, чтобы нам эту продажу разрешили! – в гневе добавила Оксана.

– Я верну. Я обязательно вам все верну. Я займу у боевых друзей мужа и верну. Если бы он только не погиб... – оправдывалась женщина.

– Каких еще друзей, сука? Да все твои друзья давно на живодерне! Значит, так! Завтра в десять утра чтобы как штык была у нотариуса! Ясно?

– Нет. Я не приду. Я не буду продавать квартиру ради дочки.

– Чего? Ради дочки? Ах, тварь! Об дочке вспомнила! А когда пила неделями и я твою дочку от чурбанов охранял и жратвой кормил, забыла? Когда тебя родительских прав школа хотела лишить и я тебя отмазывать к директору ходил, тоже забыла? – грозно спросил участковый.

– Нет, не забыла. Я завяжу. Я не буду больше пить. Но и квартиру продавать не стану. Ради дочки не стану. И отдайте мне мой паспорт, – обратилась женщина к Оксане.

– Да твоей дочке гораздо лучше в деревне будет, чем в Москве! Вас ведь там никто не знает. Приедете и новыми людьми заживете.

– Нет. Я не поеду в деревню. И прошу вас, уходите отсюда, – вымолвила женщина. – Я отказываюсь продавать свою квартиру.

Озлобленный милиционер, явно не ожидавший такого сопротивления со стороны спившейся женщины, вплотную подошел к ней и ударил кулаком по лицу. От сильного удара она упала на пол, и он принялся бить ее ногами. Лиза бросилась к ним и своими тонкими ручками попыталась оттащить крепкого мужика от матери, крича в слезах:

– Дяденька! Дяденька, не надо! Дяденька, пожалуйста, не надо! Не бейте маму. Не надо... Не бейте...

– Так, значит, сука, ты наотрез отказываешься продавать ей квартиру? – показывая пальцем на Оксану, в ярости спросил милиционер стонавшую женщину. – Оксана, придержи девчонку, чтоб не мешалась.

Милиционер на мгновение остановился и перевел дыхание, а несчастная женщина свернулась в комок, закрыв голову руками. Обидчик безжалостно схватил ее за волосы и потянул вверх, и женщина привстала на колени из-за невозможности высвободить свою голову из мертвой хватки милиционера.

– Ну что? Пьянь ты подзаборная... Что теперь скажешь? Вариантов у тебя нет! Или завтра идешь к нотариусу, или сегодня же твою дочку определяем в детдом, а в детдомах-то алкашным ублюдкам ой как хреново живется! Ну а тебя саму, сучка, за покушение на жизнь сотрудника при исполнении оперативного задания да еще и при свидетеле на трешник минимум отправлю! Понятно?

Беспощадный милиционер опять начал нервно пинать женщину ногами, не выпуская ее волосы из руки, и в ответ на каждый такой пинок раздавался сдавленный стон. Девочка находилась в оцепенении и лишь тупо смотрела на происходящее. Затем обидчик выпустил грязные волосы женщины, и, когда она, обессиленная, упала на пол, он произнес:

– Слышишь, Оксан, звони своему мужику, и пусть он подкатывает сюда на машине. Девчонку повезете в детский приемник-распределитель, а я пока эту блевотину оформлять буду по всем правилам. Вставай, сучка! В отделение поедем, а оттуда прямым ходом в Бутырку. Прощайся со своей дочуркой, ты ее долго теперь не увидишь.

Женщина, услышав это, с трудом встала на карачки и, шатаясь в разные стороны, сказала в пустоту:

– Не надо... Не надо этого делать... Не надо...

– Не надо? Раньше надо было думать, а теперь надо! – заорал милиционер и, повернувшись, ударил женщину в живот. Она застонала от нестерпимой боли.

– Мама, мамочка, отдай им, что они просят, иначе они нас убьют. Мамочка, мамочка любимая моя... Отдай им... – не по-детски стала упрашивать Лиза.

– Гляди: даже ребенок и тот больше тебя соображает! – закричала циничная маклерша. – Хороша мамаша. Нечего сказать. Хоть бы дочку свою пожалела, если на себя наплевать. Ей же ведь действительно в детдоме тяжело будет. Забьют ее там, а когда лет двенадцать исполнится, то изнасилуют – сто процентов.

– Отдайте мне ребенка. Я все подпишу, – с трудом произнесла мать и посмотрела на своих врагов взглядом раненой волчицы.

– Вот так-то лучше, – с облегчением сказал милиционер. – А то начала нам тут концерты представлять. Тоже мне партизанка на допросе нашлась. А ты, Оксана, по-любому вызывай сюда своего мужика, и пусть он сидит с ними до утра, чтоб не начала она выдумывать всякие глупости.

– Да я и сама здесь останусь, а то вдруг он не углядит за ними, – успокоила та своего напарника.

– Хорошо, – согласился милиционер. – Я завтра в девять утра заеду, и мы прямо отсюда рванем к нотариусу. Все нормально, кукла. Завтра получишь свою доплату и оторвешься за всю посевную. Пять лет гудеть, не просыхая, сможешь.

Стонавшая от боли, безысходности и отчаяния женщина отползла в угол комнаты и, схватившись руками за батарею, попыталась сесть. К ней подбежала Лиза и помогла матери приподняться. Они обе, обреченные и незащитные, еще долго сидели на полу, отстранившись от происходивших вокруг них разговоров. Женщина крепко обнимала свою худенькую дочку и, не сдерживая слез, приговаривала:

– Прости меня. Прости свою мать никудышную. Прости, если можешь...

– Я тебя люблю, мама, – тоненьким голоском неизменно отвечала ей дочь.

Глава 14

Митя влюбился

Когда Аркадий возвратился в Первопрестольную через обещанных три дня, то не обнаружил в арендуемой по поддельному паспорту квартире своего друга Митю. Во время отсутствия Аркадия Митя посвятил Алене все свободные от сна часы. Он настолько увлекся своей новой знакомой, что не переставал думать о ней ни секунды. И когда Аркадий, снимая обувь и куртку, громко кричал: «Митька, ты дома?» – Митька ехал верхом на своем тракене по лесной тропинке рядом с Аленой, элегантно сидевшей в седле и достаточно умело управлявшей красивой кобылой. По одним только взглядам, которыми обменивались оба всадника, легко можно было догадаться – молодые люди явно увлечены друг другом.

В какой-то миг Алена игриво улыбнулась, пришпорила кобылу и поскакала галопом вперед, быстро удаляясь от своего ухажера. Митя перевел своего коня вскачь и пустился вдогонку. Они стремглав вылетели на поляну, и, когда Митя наконец достиг свою новую знакомую, он звонко шлепнул ее лошадь по крупу, и после этого они стали гоняться друг за другом, играя в конные салки.

Вдруг Митя затормозил своего «немца» прямо перед мордой разгорячившейся от скачек кобылы и тут же подъехал справа от Алены. Митя, не говоря ни слова, взял девушку за руку и потянул к себе. Она поддалась, и наездники утонули в долгом поцелуе. Всепонимающие лошади смиренно стояли под своими хозяевами. Животные искоса переглядывались, словно сами заинтересовались друг другом. Митя отпустил свою новую пассию, и она, с затуманенными от блаженства глазами, медленно осела в седло. Неожиданно зазвонила трубка сотового телефона, прикрепленная к поясу Мити. Он снял ее с ремня и поднес к уху:

– Да.

– Привет, родной! – сказал Аркадий, решивший выяснить, где находится его друг.

– Привет, Аркаш.

– У тебя все нормально?

– Да, все хорошо. Я сейчас на конюшне, а ты где?

– Я уже вернулся.

– Я буду после десяти, не раньше.

– Ладно, поужинаю без тебя. Кстати, на субботу и воскресенье ничего не планируй.

Понял? – распорядился Аркадий.

– Да. Понял.

– Молодец. Привет Барону передавай!

– Передаю. Тебе привет, – обратившись к коню, сказал Митя.

– Ну ладно, давай!

– Пока, – простился Митя и убрал телефон.

– Поехали назад, – предложила Алена.

– Поехали.

Аркадий сварил себе кофе и вспомнил о сироте Марине: «Представляю, как она меня проклинает...» В тот момент он даже не догадывался, что, когда несколько дней назад к Марине вернулось сознание и она открыла глаза, ее посетили совсем иные мысли.

Сквозь окно с решеткой пробивались слабые солнечные лучи. Ее обессиленное тело лежало под одеялом на больничной койке в трехместной палате, где кроме нее были еще три женщины. На запястьях Марининых рук, привязанных полотенцами к решетчатой спинке, красовались браслеты из бинтов. Рядом с большим пальцем левой кисти торчал катетер, соединенный тонкой прозрачной трубкой с капельницей. Подле кровати стояли врач в белом халате

и медсестра. Наружность у пожилого доктора была легкая, женственная. Казалось, накрасть ему губы, припудри круглые щеки, парик на голову с кудряшками натяни – и получится прима-лейшая старушенция, готовая плясать краковяк. Разъевшаяся медсестра, напротив, выглядела женщиной тяжелой и угрюмой. Большое рябое лицо выражало чувство презрения ко всему окружающему миру. Здоровенные ручищи, скрещенные под крупным бюстом, были неестественно красного цвета. Если такая тетя Мотя в лоб кулаком двинет – пишите родителям. Заглянув в мутные глаза Марины, психиатр спросил высоким лирическим тенором:

– Как ты, девочка? Жива?

– Да, – едва слышно ответила она.

– Вот и прекрасно. То-то ты нас напугала. Зачем?

– Где я? – так же тихо спросила Марина.

– Ты сейчас в больнице, не волнуйся. Ручки мы тебе зашили и привязали, чтобы ты себе случайно не сделала больно. Понятно?

– Да, – сказала она и набрала в легкие воздуха.

– Вот и хорошо. Полежишь у нас, подлечишься, сил наберешься, и все встанет на свои места.

– На какие места? – не поняла Марина.

– Вернешься домой и заживешь как все нормальные люди. И главное, никогда не станешь себя больше калечить из-за пустяков и всяких дурных знакомых. Их и без нас накажут. Ведь так?

Марина внимательно посмотрела на улыбавшегося доктора, на секунду задумалась и вдруг живо спросила:

– Что, Володю нашли?

Психиатр кинул удивленный взгляд на медсестру, которая в ответ надула нижнюю губу и туго скосила глаза в сторону. Затем он развел руками и только хотел что-то сказать, но Марина опередила его:

– Скажите милиционерам, что я хочу забрать заявление. Скажите, чтобы они его не трогали, если поймают. Чтобы только не били! Я не хочу, чтобы он из-за меня страдал. Скажите.

– Скажем-скажем, а сейчас ты, главное, успокойся и расслабься. Тебе ни к чему так волноваться. Все нормализуется.

– Или знаете что, я лучше сама им скажу. Можно я позвоню им прямо сейчас? – начала быстро говорить Марина. Она волновалась и некоторые слова путались.

Доктор прищурился и замурлыкал:

– Не беспокойся, пожалуйста, моя девочка. Все будет хорошо. Я сейчас сам им позвоню и все скажу. Хорошо?

– Да, хорошо. Но только прямо сейчас, – стояла на своем Марина.

Врач придвинулся к медсестре, шепнул ей что-то на ухо и направился к двери. Перед выходом он повернулся на высоких каблуках, еще раз улыбнулся и пообещал:

– Я пошел звонить в милицию, – немного подумал и совсем некстати добавил: – Лучше жить, когда хочется умереть, чем умереть, когда хочется жить.

Дверь захлопнулась, и медсестра принялась на соседней тумбочке готовить укол. Она разложила свой нехитрый набор и лихо сломала стеклянную головку у склянки с успокоительным лекарством. В этот момент Марина поймала ехидный взгляд одной из женщин, сидевшей на краю своей кровати. Ее взгляд подразумевал следующее: «Жди, дуреха, раскатала губы, пойдет он тебе немедля звонить! Как бы не так! Вколот тебе сейчас какую-нибудь гадость, и проспишь тут еще одну неделю без сознания. Понятно?»

Тогда Марина по возможности тихо начала крутить правой рукой. Полотенце было затянато не прочно, и вскоре ей удалось освободиться. Затем она проворно развязала другое поло-

тенце, выдернула катетер и выскочила из-под одеяла. Марина бросилась к двери в тот момент, когда толстая медсестра повернулась с готовым для инъекции шприцом.

Ноги не слушались, от легкого головокружения покачивало, а потому, едва оказавшись в коридоре, Марина поскользнулась на кафельном полу. Упала она, больно ударившись коленями, а позади уже раздавалось слоноводобное топание медсестры. Кое-как девушка поднялась и тут же ощутила на своем плече тяжелую лапу, мощно сдавившую ее ключицу.

– Куда собралась? – проревела медсестра.

– Отпустите меня! Мне больно, – успела крикнуть Марина и получила звонкую затрепину по затылку. В глазах потемнело, а ноги тут же подкосились. Рухнув на пол, Марина почувствовала, что ее тащат по холодному больничному полу за шиворот обратно в палату. Она на ходу перекрутилась, выгнулась и вцепилась зубами в слоновью ножищу медсестры. Поначалу раздался вопль, затем посыпался град ударов, и Марина потеряла сознание...

Холодно и жутко было в небольшой камере, плотно обитой матами с потолка до пола. В тусклом свете одинокой лампочки Марина сидела на полу, широко расставив ноги. На ней была больничная ночнушка, порванная в нескольких местах и заляпанная кровью. Волосы растрепались, а сквозь бинты на запястьях просочились буро-желтые пятна.

Лицо девушки являло собой маску безразличной угрюмости и разочарования. На разбитой губе запеклась кровь, на щеке саднили многочисленные царапины, а под расшибленной бровью проступал сизый синяк. Марина открыла глаза и осмотрелась. Камера выглядела столь мрачной, что было не ясно – день теперь или ночь. Казалось, за стеной бродят привидения, скребущие по кирпичам длинными крючковатыми ногтями. Они перешептывались друг с другом скрипучими голосами, рассуждая о беде, постигшей пленницу резиновой камеры. Им было известно все и даже то, что свершится в недалеком будущем. В груди от таких пророческих бесед щемило. Неожиданно Марина вскочила и начала колотить в дверь, тоже обитую матом. Марина громко рыдала и кричала:

– Отпустите меня-я-я-я!!! Отпустите... Я сама его найду-у-у!!! Сама-а-а...

Затем она повалилась спиной на пол и прерывисто заговорила, уставившись сумасшедшим взглядом в потолок:

– Володя... Володя... Зачем? Как? Вова... Вовочка... Любимый мой... Зачем? Я бы и так тебе все отдала... Зачем?

Вдруг Марина вскочила и снова кинулась на дверь с воплями:

– Гады! Выпустите же меня отсюда! Это все из-за вас! Это вы во всем виноваты! Выпустите меня отсюда! Гады-ы-ы...

Глава 15

«Уйдем своим ходом»

В субботу друзья, четко распланировавшие время визитов своих жертв на подставную квартиру, сидели в машине и по очереди смотрели в морской бинокль в сторону подъезда Марусино дома. Аркадий был одет очень просто и даже бедно, что выглядело настолько неестественно для его обычного образа, что так и хотелось воскликнуть: «Да кто же такому благородному ловеласу роль Квазимодо поручил?». Коленями он сжимал инвалидную клюшку с закругленной металлической ручкой. В руках Аркадий держал список ожидаемых клиентов и изредка поглядывал на имена и телефонные номера.

Однокашники молчали и не смотрели друг на друга, так как все их внимание было устремлено на площадку перед подъездом. Через окуляры бинокля Аркадий увидел пожилых супругов, которые двигались по двору в сопровождении молодой особы, исполнявшей обязанности официального агента по недвижимости и работавшей на одну из крупных риелторских фирм города Москвы «Ин-бом». Особа жестикулировала и на ходу в чем-то убеждала своих спутников. Они медленно зашли в подъезд, и тогда Аркадий тщательно оглядел всю округу, находящуюся в поле зрения.

– Все. Пришли, – заявил он и отдал Мите бинокль, а сам взял с заднего сиденья свой дорогой рюкзак и переложил из него сотовый телефон и поддельные правоустанавливающие документы на Марусину квартиру в затрапезный портфель.

– Смотри в оба.

– Не волнуйся. Я с тобой, – уверенно сказал Митя.

– Если что, машину не свети. Уйдем своим ходом.

Аркадий быстро вышел из машины. Твердой поступью он направился в сторону дома с подставной квартирой, не сомневаясь в том, что его преданный друг будет внимательно «отслеживать» обстановку во дворе и всей округе. Портфель и палка мирно болтались в его правой руке, на ходу Аркадий нахлобучил на голову кепку, небрежно вытащенную им из бокового кармана куртки, и постарался придать своей холеной физиономии самое наивное выражение, на которое только был способен. Оказавшись в подъезде, Аркадий старательно принялся сильно хромать, поднимаясь по ступенькам и приближаясь к ожидающим его господам.

– З-з-з-здравствуйте! – изображая заикание, поприветствовал Воскресенский троицу ожидавших его людей.

– Здравствуйте, Николай Владимирович! А мы вот уже здесь, – обрадовалась деловая девушка-агент, решившая на этот раз совершить сделку налево, тем самым воруя клиентов у своего агентства.

– Здравствуйте... Здравствуйте, – вторили ей супруги.

– И-и-извините за опоздание, но я в а-а-ап-теке задержался, – открывая дверной замок, объяснил наш герой.

– Ничего страшного. Мы сами только что подошли, – успокоила его агент, хотя сама немного нервничала.

Учитывая предварительный просмотр, состоявшийся два дня назад, и конкретную договоренность о внесении задатка на день сегодняшней, дело шло на лад. Аркадий, не снимая кепки, сидел за столом и делал вид, что внимательнейшим образом изучает документ о внесении задатка за подставную квартиру. Супруги же, решив сэкономить на варварских условиях риелторской фирмы «Инбом» и полностью доверившись находчивой агентше, согласившейся провести сделку за полцены, водили глазами по квартире, дабы лишний раз убедиться в том, что выбор ими сделан правильный.

– Это обычный, стандартный договор о задатке между физическими лицами, используемый всеми агентствами по недвижимости. Так что вы прочтите его внимательно, и если возникнут какие-то проблемы и вопросы, то я с удовольствием вам все объясню, – вдруг сказала девушка.

Аркадий, не отрывая глаз от договора, объяснил:

– Вы по-по-поймите меня п-п-правильно, я ведь делаю э-э-это первый раз в жизни. По-по-поэтому немного переживаю.

– Да мы и сами переживаем. В Харькове две квартиры продали, а здесь еле на одну наскребли, – произнес пожилой мужчина и хотел было еще что-то сказать, но его перебила жена:

– Давай не будем об этом сейчас...

– Ну а что тут особенного? – возразил он, но та вторично его остановила:

– Не мешай человеку читать.

– А сама-то ты читала договор? – не поддавался коренной харьковчанин.

– Читала, читала. Надо было позавчера ушами слушать, а не задним местом, – разошлась украинка.

– Да вы не волнуйтесь, – решила успокоить своих подопечных маклер и на ходу выдала стандартную форму убеждения клиентов, к которой обычно прибегают все агенты недвижимости: – Квартиру я уже проверила по всем инстанциям, договор составлен нашими юристами, так что проблем не будет.

– Ну, ка-ка-кажется, все понятно, – врезался в их диалог Аркадий.

– Хорошо. Николай Владимирович, ну вы поняли самое главное из этого соглашения? – поинтересовалась девушка.

– Что именно? – поднял на нее свои обворожительные глаза Аркадий.

– То, что, если вы откажетесь продать квартиру моим клиентам, вам придется возвращать двойную сумму задатка, – пояснила она.

– Ко-ко-конечно понял, но я и не со-со-соби-раюсь продавать ее другим.

– Вот и прекрасно. Тогда давайте ваши паспорта, и я быстро все заполню. И документы на квартиру тоже давайте, – обрадовалась агент.

Супруга болтливого харьковчанина достала из сумочки паспорт, а Аркадий открыл свой конспиративный портфель и извлек из его недр поддельные документы, а также поддельный паспорт на имя Николая Владимировича Кирсанова. Агент начала быстро переписывать необходимые данные, а женщина приказала мужу:

– Доставай деньги.

Супруг сунул руку за пазуху, и она возвратилась наружу с полиэтиленовым пакетом, в котором все присутствующие увидели пачку денег. Он положил задаток на стол и принялся нервно барабанить пальцами по его обшарпанной поверхности. Супруга бросила на него неодобрительный взгляд, и он прекратил свои импровизации.

– Николай Владимирович, пересчитайте пока что деньги, – не переставая заполнять договор, попросила агент.

Аркадий умиротворенно посмотрел на харьковчанина, достававшего из пакета миниатюрные портреты американских президентов. Затем принял распечатанные деньги и умелым движением пальцев пересчитал доллары. После он положил их перед собой на стол и сказал:

– Все правильно. 3-3-здесь три ты-ты-тысячи.

– Ну вот и хорошо. И у меня все готово. Возьмите по экземпляру и прочтите их снова, не напутала ли я чего-нибудь. И если все в порядке, то поставьте на обоих листах свои подписи, как в паспорте. А вы, Николай Владимирович, еще напишите следующее: сумму денег в размере трех тысяч долларов США получил, претензий не имею.

Аркадий и женщина взяли договора, быстро пробежали их глазами и по очереди расписались. Когда Аркадий написал требуемую фразу о полученной сумме денег, все посмотрели на агента.

– Ну вот, кажется, и все. Теперь, Николай Владимирович, от вас требуется собрать все справки из ЖЭКа и из бюро технической инвентаризации. Я буду вам помогать везде ходить и, – обратившись к супругам, агент разъяснила: – заодно еще раз проверю, нет ли каких сложностей с самой квартирой. Так что с понедельника все и начнем. Хорошо?

– Бе-бе-безусловно, – подал голос Аркадий.

– Да, и если вы не возражаете, я буду хранить ваше приватизационное свидетельство до сделки у себя. Ладно? – попросила агент.

– Да-да. Хо-хо-хорошо, – ликовал в душе Воскресенский.

Принявшись складывать бумаги в сумку, девушка предложила:

– Тогда мы с вами созвонимся завтра вечером и договоримся на понедельник.

– Да-да. П-п-простите, я забыл, в ка-ка-какой фирме вы работаете? – решил сменить тему Аркадий.

– В этой сделке я выступаю частным образом, а числюсь в самом крупном агентстве Москвы. Но сейчас это не имеет принципиального значения, – покраснела девушка от неожиданного вопроса и первой начала прощаться.

Глава 16

«Хороший ты пацан оказался!»

Час спустя Аркадий снова сидел в машине, смотрел то на часы, то в бинокль. Митя пытался его взбудрить:

- С этим биноклем ты похож на адмирала Нельсона!
- Поговори еще, – буркнул Аркадий. – Тот был одноглазым. Нет, ну где эта кобыла?
- Придет. Куда денется, – успокоил его Митя.
- Кстати, как твой коник поживает? – не отрывая глаз от бинокля, спросил Аркадий.
- Приезжай на конюшню и сам увидишь. Я хочу, чтобы ты сам попробовал на нем поездить.

– Поезжу. Куда денусь... – передразнил Аркадий.

После паузы, почему-то понизив голос, Митя заговорил:

- Слушай, я хотел тебе кое-что как другу рассказать.
- Аркадий, не отрывая пристального взгляда от подъезда, спросил:
- Надеюсь, ничего плохого?

– Знаешь, я познакомился на конюшне с одной девчонкой, и мне кажется, что у нас с ней начался любовный роман. Я все последнее время только о ней и думаю.

– Вот как трахнетесь раз несколько, так и перестанешь много думать.

– Что ты! Тогда я окончательно потеряю голову!

– Этого еще не хватало... А вот и наши покупатели, – прервал разговор Аркадий.

К подъезду подъехала новая темно-синяя иномарка с затемненными стеклами, за рулем которой восседала наша знакомая – «черная маклерша» Оксана. Именно она несколько дней назад участвовала в измывательствах над алкоголичкой и ее малолетней дочкой. Вслед за Оксаной из машины вышла ее новая жертва. Мужичок небольшого роста был стар и выглядел мрачно. Оксана небрежно включила сигнализацию и сказала хитрым голосом:

– Олег Давыдович, ну ты точно решил остановиться на этой квартире?

– Точно-точно, моя красавица. Проблем не будет. Ты ж знаешь – мне, главное, доплату от тебя получить, а квартирка-то мне любая подойдет. Так-то.

– Ну, смотри, Давыдыч! Я сейчас отдам задаток за квартиру, и если ты откажешься, то я с тебя эти деньги вычту! – пригрозила Оксана.

– А почему ж с меня-то? – вдруг спросил мужичок.

– А потому что если мы откажемся покупать эту квартиру, то хозяин имеет право не возвращать задаток обратно! Понятно тебе? – грубо рявкнула Оксана.

– Охренеть можно! – мало что поняв из вышесказанного, констатировал Давыдович.

Они зашли в подъезд, Аркадий поспешил следом, на ходу надевая свою рабочую кепку и настороженно оглядываясь. Через десять минут он уже стоял у подоконника с палкой в руке и смотрел на Давыдовича, который под неусыпным присмотром своей спутницы вторично обследовал Марусины пенаты, изображая из себя делового человека и добротного хозяина.

– Я-то вот чего спросить хотел: ты, молодой человек, всю мебелишку увозить собираешься или оставишь чего?

– Да нет, не всю. Мо-мо-могу и оставить кое-чего, – сразу пошел навстречу Аркадий.

– Олег Давыдович, я же тебе обещала, что обставлю квартиру, не считая доплаты. А ты опять за свое принялся, – вмешалась Оксана.

– Да, мне де-де-действительно многое не нужно, – продолжил Аркадий.

– Ну, в этом мы потом сами разберемся, а сейчас если все нормально, то давайте лучше договор подпишем, – торопила присутствующих Оксана.

– Да-да-давайте, – поддержал ее Аркадий, торопившийся не меньше своей «коллеги».

– Тогда вы напишите мне расписку о получении задатка, и, если можно, я заберу ваши документы на квартиру. Хорошо? – поинтересовалась Оксана у Аркадия.

– Хо-хо-хорошо. Нет про-о-о-о-блем.

Женщина передала чистый лист Аркадию и взамен получила от него документы. Оксана принялась разглядывать искусную подделку и одновременно диктовала Аркадию:

– Я, Кирсанов Николай Владимирович, получил от Жукова Олега Давыдовича задаток в размере пятисот долларов...

– Как пятисот? – вскинулся Аркадий, на мгновение забыв про заикание.

– Ну, сейчас у меня больше нет. Да и потом, какая вам разница, сколько денег в задатке? Все равно вы получите через две недели все деньги, – попыталась успокоить Аркадия «черная маклерша». Но не на того напала.

– Мы же до-до-договаривались на две тысячи! Мне же надо долг о-о-отдать! Я ведь и так квартиру де-де-дешево продаю! А часть долга я уже за-за-завтра должен отдать!

– Ну вот и отдайте пятьсот, а остальную часть пообещайте в день получения всей суммы. Это же так просто! – стояла на своем Оксана.

– Нет. Та-та-так не пойдет! Во всем ну-ну-ну-жен порядок! – кипятился Аркадий.

– Это точно! Правильно глаголешь, молодой человек! Порядок нам теперь просто необходим! – неожиданно встрял Давыдович.

– Да заткнись ты! Подожди ты лезть, – рявкнула на него Оксана, – все будет нормально, – и продолжила разговор с Аркадием: – Я заплачу вам все обещанные деньги, однако сегодня я располагаю суммой лишь в пятьсот баксов! Понимаете?

– Я по-по-понимаю, но так не пойдет. Я обещал че-че-человеку отдать завтра две ты-ты-ты-сячи. И если вы мне не дадите сегодня де-де-деньги, то я позвоню другим клиентам, которые мне точно дадут такой а-а-аванс. Я люблю по-по-порядок! – Наш аферист был неумолим.

Маклерша на какое-то время задумалась, посмотрела проницательным взглядом на взволнованного «хозяина», затем на Давыдовича и сказала:

– Ладно. Я отдам сейчас две тысячи, но ты, Давыдыч, учти, что эти деньги предназначались на всю твою доплату и теперь ты ее получишь не раньше чем через месяц, а то и два. Уразумел?

– Уразумел! – беспечно заявил мужичок.

– Так, ладно, с тобой все ясно. – И Оксана снова перевела свой колкий взгляд на Аркадия. – Продолжаем писать. На чем мы там остановились?

– Получил от Жу-жу-жукова Олега Давыдо-до-довича задаток в размере...

– Да. Значит, получил задаток в размере двух тысяч долларов США в рублевом эквиваленте по курсу ММВБ...

Полчаса спустя недовольная Оксана стояла возле входной двери, распахнутой на лестничную площадку, и лицезрела панибратское расставание Давыдовича с заикающимся продавцом квартиры. Оксана дернула Давыдовича за рукав:

– Пойдем, нам пора уже. Хватит тут лобызаться.

– Хороший ты пацан оказался! – бормотал Давыдович.

– И вы то-то-тоже очень правильный человек. А вам, – перевел Аркадий свой взор на Оксану, – я по-по-послезавтра позвоню. До-до-до свидания.

Глава 17

«Разницу при продаже двушки она кладет себе в карман»

Аркадий смотрел в бинокль и одновременно разговаривал с Митей, методично постукивавшим длинными пальцами по фирменной рулевой баранке, оплетенной кожаной тесьмой.

– Так что, Митяй, тема с алкашами тоже неплохая. Этот Давыдович такой ручной у нее был, что даже противно от зависти стало.

– Ну а как ты думаешь, сколько она имеет с него? – поинтересовался Митя.

– Навскидку если брать, то тысяч десять – пятнадцать она точно вырулит. Я так понял, что у него, судя по прописке, двухкомнатная квартира в центре, а она ему обещала однокомнатную и доплату не больше двух штук. Вот и считай. В ценах на жилье он не рубит, так что разницу при продаже его двушки она спокойно кладет к себе в карман, а обещанную доплату может вообще не отдать. Попроит его месяц-другой и «ариведерчи, Давыдович!». А там, глядишь, и переселит его через полгода в ближнее Подмосковье.

– Хорошо если в ближнее... – ухмыльнулся Митя.

– Это точно. А главное, практически никакого криминала! Так, баловство, и только. К мусорам он точно не пойдет, а бандюги к нему с его жалкой рожей и вязаться-то не станут.

– А почему ты думаешь, что он в органы не ломанется? – удивился Митя.

– Предположим, пришел он к ментам, и что дальше? Что он им скажет? Что он, дескать, продал свою квартиру и купил себе другую, а разницу забрала какая-то там тетя Мотя. Причем сумму разницы он даже не знает. А учитывая то, что продажа происходила по справке БТИ, а это, как ты знаешь, является минимальной оценочной стоимостью в рублях, то доказать, что дело идет о тысячах долларов, вообще будет невозможно! Вот тут тебе и наступает полная лафа для тети Моти. Закон на ее стороне, менты с бандитами тоже на ее стороне, а этот олух еще и спасибо скажет за то, что она его живым оставила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.